

ЛАДИСЛАС ФАРАГО

ИГРА ЛИСИЦ

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА
В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вторая мировая война (Центрполиграф)

Ладислас Фараго

**Игра лисиц. Секретные операции
абвера в США и Великобритании**

«Центрполиграф»

УДК 355.40
ББК 63.3(0)62

Фараго Л.

Игра лисиц. Секретные операции абвера в США и Великобритании
/ Л. Фараго — «Центрполиграф», — (Вторая мировая война
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-9524-5575-7

Книга рассказывает о деятельности германской службы военной разведки абвер, специализировавшейся на шпионаже в США и Великобритании. На основе обнаруженных в конце Второй мировой войны в Государственном архиве Германии зашифрованных записей, автор воссоздает деятельность абвера во всех подробностях – подготовка и проведение тайных операций, двойная жизнь агентов, их клички и реальные имена. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.40
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5575-7

© Фараго Л.
© Центрполиграф

Содержание

Вступление	6
Эпитафия секретной службе	9
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ладислас Фараго
Игра лисиц
Секретные операции абвера
в США и Великобритании

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Вступление

Как были утеряны и найдены бумаги абвера

Более десяти лет я собирал материалы для книги об абвере, германской секретной службе, возглавляемой адмиралом Вильгельмом Канарисом, и не раз приходил к выводу о невозможности воссоздать в полном объеме картину тайной деятельности этой организации, поскольку казалось очевидным, что в конце войны гитлеровцы уничтожили все документы, касающиеся ее работы. Но вот в 1967 году на одном из темных чердаков Национального архивного управления в Вашингтоне я обнаружил металлический ящик, а в нем сотни небольших желтых коробок с микропленками, часть материалов по недавней истории Германии, захваченных союзниками в 1945 году.

Судя по слою пыли и нетронутым печатям на коробках, они никогда не открывались и не были обнаружены даже группой исследователей из Американской исторической ассоциации, составившей замечательный каталог миллионов трофейных документов. Коллекция была такой же нетронутой, как и тогда, когда она была найдена в Бремене группой офицеров американской разведки, возглавляемой, судя по надписи на металлическом ящике, капитаном ВМФ Л.С. Викарсом.

Руководствуясь указаниями доктора Роберта Уолфа и Ричарда Бауэра, хранителей трофейных немецких документов, я, просмотрев всего несколько роликов, понял, что сделал исключительно важное открытие. На многих десятках рулонов микропленки, каждый из которых содержал примерно тысячу кадров, были сфотографированы документы гамбургского и бременского управлений абвера, специализировавшихся на ведении разведки в Великобритании и Соединенных Штатах.

Много лет я пытался найти первоисточники о кадрах и деятельности абвера, но и в Вашингтоне, и в Лондоне получал категорические заявления о том, что все документы абвера были уничтожены владельцами, чтобы предотвратить их захват союзниками.

Впервые абвер предстал в своем подлинном облике, далеко от того, какой пытались придать ему доброжелатели и те, кто хотел бы приуменьшить его зловещую роль. На микропленках запечатлено описание как уже известных операций, но в совершенно ином освещении, так и бесчисленных комбинаций с участием некоторых видных американцев и англичан, о второй, тайной жизни которых так бы никто никогда и не узнал.

Внезапно, словно в ярком свете, появились фигуры руководителей немецкого шпионажа, подробные биографии и фотоснимки абверовских агентов. Здесь была и объемистая финансовая отчетность, на ведении которой всегда настаивал педантичный и прижимистый начальник финансового отдела Тёпкен.

Никогда еще во всей огромной литературе о шпионаже ни одна разведка ни одной крупной державы не была представлена так полно и аргументированно, на основе таких неоспоримых доказательств, как ее собственные документы. По совершенно понятным причинам большинство архивов разведывательных служб любой страны скрыто в недоступных хранилищах, и, по всей вероятности, навсегда. Хотя большевики в упоении победой в 1917–1918 годах и разрешили доступ к документам охранки, царской тайной полиции, Советское правительство никогда не разрешало публиковать или хотя бы знакомиться с бумагами архивов разведывательной службы царского Генерального штаба. В одной из старейших разведок – английской Интеллидженс сервис – до сих пор засекречены даже некоторые материалы, относящиеся к деятельности сэра Фрэнсиса Уолсингема и сэра Вильяма Идена, то есть к XVI и XVIII векам. А здесь оказались доступными практически все документы одной из крупнейших разведок мира, позволяющие ознакомиться со всеми сторонами ее оперативной деятельности.

Немецкая разведывательная служба состояла из двух более или менее автономных подразделений. Одно из них занималось Востоком, главным образом Советским Союзом, другое – Западом, в основном Францией, Великобританией и США. В моей книге собраны материалы о наступательном немецком шпионаже против Великобритании и Соединенных Штатов за период с 1920 года, когда в нарушение Версальского договора была восстановлена военная разведка, до поражения Германии в 1945 году, когда германская разведывательная служба была якобы ликвидирована.

Материалы абвера составляют сравнительно небольшую часть огромного количества обнаруженных документов, представляющих собой практически все, что было выпущено немецкой бюрократией. Эта уникальная коллекция состоит из 17 478 рулонов микроплёнки, на которых заснято около 18 миллионов документов. Для сравнения отметим, что материалы о Гражданской войне в США сфотографированы на 2185 рулонах. Все немецкие секретные архивы частично были умышленно переданы союзникам, частично попали к ним случайно, но главным образом потому, что по каким-то причинам, бюрократическим или сентиментальным, педанты хранители не уничтожили их.

Распределение секретных архивов началось уже в 1943 году, когда усилились бомбежки Берлина. Архивы вывозились в различные тайные хранилища, затем переправлялись в другие, еще более надежные, как считали тогда владыки Третьего рейха, в бомбоубежища в горах Гарца, в Тюрингии, в Берхтесгадене и даже на дне Боденского озера.

В 1945 г., в последние недели войны, основательно разрушенные немецкие дороги были забиты караванами грузовиков с архивами министерства иностранных дел, Верховного командования вермахта, ведомства Гиммлера и других важных организаций, тщетно пытавшихся достичь мест назначения. 19 апреля части 1-й американской армии захватили свыше 300 тонн материалов германского министерства иностранных дел, в том числе бесчисленное множество копий с документов абвера. Вскоре в Баварии были обнаружены полностью сохранившиеся другие материалы МИДа, а затем в Тамбахе авангардные подразделения 3-й американской армии генерала Паттона захватили колонну грузовиков со всеми бумагами военно-морского министерства Германии, включая подлинные сверхсекретные военные дневники и судовые журналы немецких подводных лодок.

Приказ об уничтожении всех секретных документов был издан 10 апреля, после чего были сожжены дела штаба оперативного руководства вооруженными силами, возглавлявшегося генералом Йодлем, гестапо и управления абвера в Цоссене. Однако в большинстве случаев приказ либо вообще не выполнялся, либо выполнялся так медленно, что в нацистских тайниках к моменту подхода американских, английских и французских частей оказалась уничтоженной лишь небольшая часть материалов.

Многих важных документов в тайниках не оказалось (очевидно, первые экземпляры были сожжены), однако их удалось восстановить, поскольку в соответствии с обычной бюрократической практикой даже с самых секретных материалов снималось несколько копий. Именно поэтому некоторые документы абвера были найдены в архивах других ведомств. Среди случайно обнаруженных мной в американских архивах материалов наиболее важным является полный архив бременского управления абвера – бесчисленные копии различных документов, исходивших из центрального аппарата абвера в Берлине, его различных подразделений в Германии и зарубежных резидентур.

В процессе работы над книгой я просмотрел свыше тысячи рулонов микроплёнки, то есть более миллиона страниц документов, изучил 34 нигде не учтенных рулона и почерпнул из них богатейший материал, еще никем не использованный в литературе.

Трудно переоценить значение находки. Обнаруженные материалы доказывают прежде всего то, что ни одна разведка, какой бы разветвленной и эффективной она ни была, не в состоянии предугадать неумолимый ход событий. Абвер располагал сотнями агентов в районе, при-

легающем к западной части Средиземного моря, однако не смог предупредить свою клиентуру о времени начала операции «Торч» – вторжении союзных войск в Северную Африку осенью 1942 года. Несмотря на огромные усилия, немецкая разведка так и не сумела своевременно установить, когда и где начнется высадка союзников в Европе в 1944 году, и информировать об этом Гитлера.

Разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, нежели на историков. За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли разведчики, однако авторы научных хроник то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости игнорируют их вклад и редко называют их имена. Даже те политики, дипломаты и генералы, кому секретные агенты оказали неоценимую помощь, как правило, умалчивают об этом в своих мемуарах.

В своей книге я делаю попытку исправить это упущение, опираясь на архивные документы, доступ к которым открыла только мировая война.

О чем же свидетельствуют документы абвера Канариса?

Из его собственных документов следует, что он был редкой птицей в огромном вольере секретных служб. Он не пользовался безжалостными грубыми методами русской охранки, ЧК и ГРУ, не отличался ни циничностью и лицемерием Секрет интеллидженс сервис их величеств, ни бездумным любопытством японцев, ни интриганством итальянских служб времен Муссолини, ни заговорщическим характером Второго бюро¹. Несмотря на свою неприглядную репутацию, которую он приобрел из-за того, что его часто путали с гестапо и СД, он работал кропотливо и целеустремленно, хотя некоторые его операции казались, а часто и были наивными и нерешительными.

Как заметил в свое время генерал Джордж Маршалл, «секретная служба должна быть секретной». Даже сотрудникам аппарата секретных служб вместо подлинных фамилий присваиваются псевдонимы, агенты значатся под номерами, встречи с ними (явки) проводятся тайно, работа ведется на конспиративных квартирах. Естественно, что, несмотря на обилие документов, сорвать маску с абвера оказалось делом далеко не легким. Так, одна из телеграмм гласила: «Встречаюсь с А-3504 в стране 18». Лишь после тщательной работы удалось выяснить, что А-3504 – это агент-двойник Артур Джордж Оуэнс, а «страна 18» – Португалия, буквально кишевшая во время войны агентами различных разведок. Номера агентов, под которыми скрывались их личности, и закодированные названия операций представляли собой мучительные головоломки. Мне, например, потребовалось два года, чтобы установить личность одного крупного агента, действовавшего в США, и собрать о нем необходимые данные, чтобы поместить его в это повествование.

В конце концов из-под покровы тайны показалась не только вся огромная система абвера, но также система и люди секретных служб его противников, сошедшихся в смертельной схватке. Документы, на которых основана эта книга, раскрывают не просто внутреннюю историю организации Канариса. Через призму абвера можно видеть любую крупную разведывательную службу, как из тех, что существовали прежде, так и из тех, что действуют сегодня.

Ладислас Фараго

Чёрч-Хилл

Нью-Милфорд, Коннектикут

¹ Второе бюро – французская контрразведка. (Примеч. пер.)

Эпитафия секретной службе

Возвращение к сцене преступления, к любовному эпизоду или к любому необычному событию жизни всегда является мучительным переживанием. Так было и со мной, когда летом 1970 года я бродил по Берлину, вновь навещая места, связанные с историей абвера, или то, что от них осталось. Я смутно помню их с тех пор, когда был корреспондентом в Германии. Хотя они и являются достопримечательностями особого рода, они не относятся к таким, как Бранденбургские ворота или Пергамонский алтарь, которые показывают туристам, проезжающим мимо на экскурсионных автобусах.

Когда я думаю об абвере, в памяти всплывает Тирпиц-Уфер, каменный парапет вдоль Ландвер-канал, на который выходит огромный квартал, в котором обитала обширная военная бюрократия Германии. На углу набережной и Бендлерштрассе (улицы, название которой стало символом германского милитаризма) расположено главное здание военного министерства с высокими колоннами и широкими ступенями. Дальше по улице располагался Генеральный штаб армии, огромный комплекс которого протянулся почти до Тиргартен-парка с его подстриженными лужайками, подстриженными деревьями, клумбами роз, маленькими озерцами с лебедями и ухоженными дорожками.

Вдоль серой ленты воды тянулся ряд изящных городских особняков. Под номером 72–76 по набережной Тирпиц возвышалось шестиэтажное здание абвера².

Из-за опасных действий германского милитаризма еще до Гитлера этот злоедейский квартал успел заслужить дурную славу до Третьего рейха. В период моего пребывания в Берлине как журналиста «квартал Бендлер» стал моим особым объектом еще в начале тридцатых годов. Непросто было проникнуть в этот лабиринт конспираторов, нервный центр уклонения Германии от выполнения условий Версальского договора. Но у меня были там знакомства с некоторыми из хорошо информированных офицеров, занимавших важное положение, таких, как Ойген Отт, Эрих Маркс, Фердинанд фон Бредов, Эрвин Планк и Вальтер Йост, которым судьбой было предназначено прославиться³.

За закрытыми дверями по-спартански обставленных кабинетов высокомерных сотрудников Генерального штаба велась уже тогда работа по подготовке планов войны. Я мог видеть их всех – гордых, напыщенных разработчиков военных планов, великих капитанов будущих битв, при полном параде и всех регалиях входящих и выходящих из здания, садящихся в свои большие лимузины, исчезающих за боковыми воротами ниже по улице. Генерал Вернер фон Бломберг, генерал Ганс фон Фрич, адмирал Эрих Рёдер, полковник Вильгельм Кейтель представляли контраст седоватому, худощавому, невысокому человечку в плохо сидящем мундире, с лицом прикрытым большим козырьком фуражки, надвинутой на лоб. Это был капитан Вильгельм Франц Канарис, хозяин абвера.

Квартал окружали шпионы других стран. Самые наглые из них старались подойти как можно ближе. Их можно было видеть прогуливающимися по Бендлерштрассе держа ушки на макушке, в надежде уловить хоть обрывок из беседы офицеров Генштаба. Их неуклюжее подслушивание так явно бросалось в глаза, что третий отдел абвера, чьей задачей было не допус-

² Хотя главная военная разведывательная служба имела более полное и развернутое название, изображенное на вывеске и менявшееся вместе с ростом организации, мы в этой книге будем ее именовать «абвер», словом, которое было и остается наиболее употребительным. Его собственные сотрудники пошли дальше и сократили и его, называя свое ведомство просто «абв», произнося каждую букву раздельно.

³ Генерал Отт стал военным атташе, а затем и послом в Японии и пережил войну. Маркс, дослужившийся до полного генерала, командовал армейским корпусом в Нормандии и погиб в 1944 г. под Сен-Ло. Кроме того, Э. Маркс был одним из составителей плана вторжения в СССР. Бредов был убит нацистами в ходе «кровавой чистки» 1934 г. Йост, командовавший 42-й егерской дивизией, был последним из трех немецких генералов, погибших в ходе итальянской кампании.

кать утечки сведений, издал официальный меморандум с предупреждением германским офицерам не разговаривать на улице о служебных делах.

«Есть основания полагать, – говорилось в меморандуме, – что британская и французская секретные службы насаждают агентов в непосредственной близости от Бендлерштрассе, чтобы подслушивать разговоры офицеров, которых легко отличить по их мундирам. Согласно надежным источникам, некоторые из этих агентов могут читать по губам. Лица, подозреваемые в шпионаже, замечены слоняющимися около 18.00, когда заканчивается рабочий день, возле остановки автобуса у моста Бендлер, где в ожидании городского транспорта стоят группы офицеров. Агент, работающий на Второе бюро, сознался, что сумел добыть много ценной информации на остановке и в автобусах, подслушивая разговоры офицеров, возвращающихся с работы не в одиночку».

Британская Секрет интеллидженс сервис организовала пост подслушивания в угловом доме на близлежащей Лютцовплац над магазином, где были выставлены огромные автомобили «майбах». Позади сверкающих витрин (фасада «Фригидера»), на другой стороне площади, пряталось берлинское представительство американского управления военно-морской разведки.

За углом, в роскошной квартире, занимающей целый этаж одного из самых роскошных особняков Берлина, красивый сибаритствующий поляк Юрий де Сосновски снимал копии с германских сверхсекретных планов сразу же после того, как они были подготовлены и отпечатаны. Их приносили прямо в его апартаменты две доверенные секретарши Генерального штаба, которых он соблазнил с помощью надежного сочетания дела и удовольствия.

И вот я вновь в Берлине, навещаю свои старые объекты после тридцати трех лет отсутствия, поскольку именно летом 1937 года я последний раз зашел к майору Йосту, чтобы получить хоть какую-то информацию, добывать которую в этих стенах становилось все труднее. Интересно, что же стало со старым «кварталом Бендлер». Молодой таксист, которого я попросил доставить меня туда, никогда не слышал этого названия. Не желая терять заработок, он посмотрел свой путеводитель, но напрасно и, обернувшись ко мне, с виноватой улыбкой сказал:

– Извините, но в Берлине нет ни Бендлерштрассе, ни набережной с названием Тирпиц.

Когда я описал ему район между каналом и Тиргартен-парком, лицо его просияло.

– А, вы имеете в виду Штауффенбергштрассе⁴ и набережную Рейхпич! Я знаю, где это.

Вскоре перед моими глазами показалось серое гранитное здание, которое в те дни занимал абвер, не поврежденное бомбами и, по-видимому, даже не наносившееся как объект на штурманские карты бомбардировщиков.

Здесь располагалась Fuchsbaу, или «лисыя нора», как называли свою контору работавшие там мужчины и женщины – официальные интриганы военного ведомства Третьего рейха.

Пройдя с набережной через портик, я нерешительно поднялся по ступенькам в слабо освещенный вестибюль, не зная, что увижу в этом мавзолее умершей эпохи. Неожиданно, как *deja vu*, всплыли воспоминания о моем визите сюда в начале тридцатых годов.

По-прежнему по обеим сторонам холла виднелись старомодные лифты, которые всегда были неисправными. Прямо передо мной была широкая лестница, ведущая в мезонин с высокими окнами, проникающий через которые свет освещал холл. Слева была конторка охранника, у которой три десятилетия назад я предъявил суровому капралу свой посетительский пропуск.

⁴ Улица была переименована в честь полковника Генерального штаба графа Клауса Шенка фон Штауффенберга, совершившего 20 июля 1944 г. покушение на Гитлера и вскоре расстрелянного.

Часового не было, а его место занимал тоненький юнец, скучающе взиравший на проходивших мимо людей, не предъявлявших ни значков, ни пропусков. Но в самом здании ничего не изменилось, кроме жильцов.

Старая штаб-квартира абвера теперь была занята филиалом Прусской государственной библиотеки и берлинским отделением федерального бюро страхования. Здесь также обитало еще несколько контор, вносящих арендную плату домовладельцу, фирме, расположенной на Фазаненштрассе.

Я поднялся по лестнице, повернул налево и прошел по длинным темным коридорам второго и третьего этажа. Руководствуясь желтыми страницами когда-то секретного указателя, я останавливался перед дверьми, за которыми прежде сидели асы шпионажа Третьего рейха: полковник Ганс Пикенброк, шеф отдела разведки; полковник Эрвин фон Лахузен, высокий австриец, возглавлявший группу саботажа и диверсий; полковник Йохим Рохледер, молчаливый и замкнутый глава третьего отдела, занимавшегося контрразведкой.

Это была странная прогулка, вызывавшая в памяти тени прежних обитателей кабинетов, занятых ныне клерками и бухгалтерами, роющимися в своих бумагах, подобно персонажам романа Густава Фрейтага, печатающих, пишущих, курящих сигареты и пьющих кофе из бумажных стаканчиков.

Я поднялся на высокий верхний этаж, где до февральского утра 1944 года находился кабинет шефа абвера Вильгельма Канариса. На этом месте, в центре главного коридора, были широко распахнутые высокие двери, излучавшие прохладу в это жаркое летнее утро.

Там, где стоял большой письменный стол Канариса, его обтянутая кожей софа, на которой он отдыхал после обеда, сейчас стояли столы, за которыми шесть женщин в хлопчатобумажных халатах работали на компьютерах. Я остановился и осмотрел каждый квадратный дюйм этой святой святых секретной службы. Дамы смотрели на меня с некоторым удивлением.

– Извините, пожалуйста, – сказал я, – но здесь раньше был кабинет адмирала Канариса, не так ли?

Дамы переглянулись, а затем старшая из них спросила:

– Извините, как его имя?

– Канарис, – сказал я, – Адмирал Канарис.

Пожилая дама в хлопчатобумажном платье задумалась, а затем сказала:

– Я работаю здесь с 1958 года, но извините... я никогда не слышала это имя.

Часть первая Безмятежные дни

Глава 1 Соглядатай у кормила

24 сентября 1934 года командующий эскадрой контр-адмирал Бастиан сел за свой письменный стол на борту старого линкора «Шлезин», чтобы написать характеристику на капитана флагманского корабля Вильгельма Франца Канариса. Как правило, адмиралы терпеть не могли оценивать подчиненных им офицеров, так как очень часто при этом выявлялось слишком много огрехов. Но в данном случае задача была не слишком неприятной.

Канарис списывался со «Шлезина» на берег неизвестно на какую должность, и Бастиан теперь мог оказать последнюю услугу своему старому другу. Канарис был образцовым офицером, настоящим флотским товарищем, горячий патриотизм и широкий кругозор которого были необходимы новым военно-морским силам.

Адмирал Бастиан быстро заполнял графы в печатном бланке записями о личных качествах и данными о прохождении службы:

Внешность и поведение: среднего роста, располагающая внешность, отличная военная выправка, блестящие светские манеры.

Иностранные языки: английский, французский, испанский, итальянский, португальский, русский⁵.

Финансовое положение: в хорошем состоянии.

Затем Бастиан дал волю своим чувствам. В графе «Основное мнение» он с похвалой отзывался о безупречном характере Канариса и его достоинствах как морского офицера. «Капитан Канарис, – написал он, – командовал экипажем жестко и профессионально. Он поддерживал строгую дисциплину и хороший дух на корабле, а также неустанно работал над боевой подготовкой и обучением экипажа морскому делу, обеспечивая боеготовность судна. Он обеспечивал физическую подготовку офицеров и матросов путем спортивных тренировок». Он также написал о его «наблюдательности, дипломатичности и одаренности».

В ответ на последний вопрос: «К каким конкретным должностям годен данный офицер?» – Бастиан привел целый перечень постов: «морской атташе, комендант Гамбургского военно-морского округа, генеральный инспектор ВМФ, заместитель командующего военно-морской базой, командующий эскадрой» и последнее по списку, но не по значению – «начальник отдела абвер в военном министерстве».

После краткосрочного прозябания в балтийском порту, за несколько дней до Рождества, прибыл приказ о новом назначении Канариса. Словно послушавшись Бастиана, командующий ВМФ адмирал Эрих Рёдер назначил его начальником абвера⁶ вместо капитана Конрада Патцига.

Приказ о назначении капитана Канариса пришел из Берлина совсем как рождественский подарок. Он должен был приступить к исполнению новых обязанностей с 1 января 1935 года.

⁵ Бастиан преувеличил лингвистические способности своего друга. На самом деле Канарис свободно владел лишь испанским. Хотя его английский был весьма приличным, в других языках у него были лишь незначительные навыки.

⁶ На самом деле Рёдер не любил Канариса и не доверял ему. Он лично выступал против его назначения и уступил лишь «под нажимом сверху». В то время абвер (полное название *Abwehrabteilung*) был лишь подразделением министерства обороны.

Свежий снежок запорашивал берлинские улицы, когда в восемь утра в первый день Нового года он прибыл в управление абвера в качестве нового руководителя главной секретной службы Германии. В этот ранний час тихого праздничного утра город после пирушки в ночь святого Себастьяна был столь пустынным, что Канарис оказался первым, кто потревожил девственную белизну снежного покрывала своими следами, когда шагал своей птичьей походкой вниз по Бендлерштрассе, а затем свернул направо, к набережной Тирпиц. За исключением часового у двери и нескольких молодых офицеров на дежурстве, в здании никого не было. Никто не ожидал, что он столь буквально выполнит приказ и появится на службе точно в день Нового года.

– Я капитан Канарис, – представился он изумленному дежурному офицеру. – Пожалуйста, позвоните капитану Патцигу и скажите, что я в управлении и буду рад увидеть его здесь в удобное для него время.

Патциг появился около десяти утра и увидел Канариса, ожидавшего, словно проситель, в приемной. Радужный и легко сходящийся с людьми офицер взял своего преемника под руку и провел в кабинет, готовый немедленно сдать дела.

– Откровенно говоря, – признался он, – я не ожидал вас сегодня, но я рад, что вы пришли.

Прежний и вновь назначенный начальники абвера завязали непринужденную беседу. Патциг не скрывал ликования по поводу перехода на новую, более приятную службу – командование линкором «Адмирал Шеер». Он с чувством поведал о своих проблемах и неприятностях, порожденных его чуть ли не кровной враждой с могущественной Главной службой имперской безопасности Генриха Гиммлера (РСХА). Он потчевал своего преемника повествованиями о сложных и неприятных интригах Гиммлера против абвера и описывал тонкое, но решительное соперничество молодого нациста Рейнхарда Гейдриха – начальника СД, службы безопасности, отвечающей за политический шпионаж⁷.

– Мне вас жаль, капитан, – наконец откровенно заявил Патциг, – потому что вы, похоже, не осознаете, в какую грязь влезли.

– Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, капитан Патциг, – сказал Канарис со слабой улыбкой. – Я неисправимый оптимист. А что касается этих ребят, то я думаю, знаю, как с ними поладить.

Патциг посерьезнел и тихо произнес:

– Если вы так думаете, капитан Канарис, то мне только остается с сожалением сказать, что этот день будет началом вашего конца.

Кто же такой был этот Канарис? И почему именно его выбрали на пост главы абвера как раз тогда, когда эта организация должна была стать одной из важнейших деталей германской новой военной машины?

За всю жизнь Вильгельм Канарис лишь однажды привлек внимание общественности. В 1928 году парламентарии-социалисты одной из комиссий по расследованию наткнулись на некоторые факты, свидетельствующие о его участии в одном из заговоров, направленных на свержение Веймарской республики, а газеты приписали ему роль интригана Макиавелли. По окончании Второй мировой войны я не мог найти ни единой строчки, напечатанной о нем ни до, ни после этого мимолетного появления на свету, если не считать статьи в одном английском журнале в 1939 году, где его назвали главным шпионом Третьего рейха.

Похоже, ему нравилась подобная анонимность⁸. Он был скромным, держащимся в тени человеком, скрытным даже в отношениях с ближайшими членами семьи. Но после войны он

⁷ Под крышей РСХА действовали многие службы государственной безопасности нацистской Германии. Гестапо (секретная полиция), возглавляемая Генрихом Мюллером, была внутренней службой, тогда как СД Гейдриха осуществляла деятельность как внутри страны, так и за рубежом и была фактически политической секретной службой нацистов.

⁸ Он сам позволил упомянуть свое имя в печати лишь однажды в 1936 г., когда согласился опубликовать за своей подпи-

внезапно предстал в общественном мнении как поистине загадочная личность. Он стал объектом бесчисленного множества статей, нескольких книг и даже был изображен в качестве героя в одном слащавом, сентиментальном фильме. Некоторые авторы превозносили его как духовного лидера безнадежного антифашистского движения, мученически погибшего за свою доблесть и убеждения.

Многое из того, что было сказано и написано о Канарисе, лишь вуалирует его биографию, искажает факты и еще более сгущает таинственность, которой окутана деятельность начальника любой секретной службы и которая в данном случае была возвращена им самим. Он прекрасно преуспел в собственной маскировке. В истории редко встречалась личность, о которой высказывалось столько противоречивых суждений, даже со стороны тех, кто утверждал, что хорошо знал его.

Даже такой знающий биограф, как Иан Колвин, в подзаголовке своей книги «Главный шпион» назвал ее «Невероятная история адмирала Вильгельма Канариса, который, будучи начальником гитлеровской разведки, являлся и секретным агентом англичан», хотя на самом деле никакого сотрудничества не было.

Хроника его жизни и этапы карьеры отражены в его личном досье и в двадцати восьми характеристиках, подготовленных его командирами. Я обнаружил их нетронутыми в немецких архивах, захваченных в Берлине, хотя следовало ожидать, что такие важные документы будут уничтожены.

Вильгельм Франц Канарис родился 1 января 1887 года в Аплербекке близ Дортмунда – в самом сердце Рура, и был младшим из трех сыновей состоятельного инженера, управляющего металлургическим заводом. Мальчик был невысоким и худощавым, но крепким и живым, он был обычным ребенком, живущим в любящей лютеранской семье.

Дома его звали Вилли, а друзья детства прозвали его Kieker, что можно перевести как «шпик», «подглядывающий» или «соглядатай». В 1917 году он познакомился с Эрикой Вааг, сестрой флотского офицера, и женился на ней 22 ноября 1919 года. Она была единственной женщиной в его жизни, к которой он питал романтические чувства.

Полагают, что он потомок адмирала Константина Канариса – греческого политика и участника национально-освободительной войны XIX века⁹.

Молодой Вильгельм поступил в Императорскую военно-морскую академию в Киле 1 апреля 1905 года. Его первое служебное плавание внезапно было прервано в декабре 1914 года, когда крейсер «Дрезден», на котором он служил, участвовал в битве за Фолклендские острова. Преследуемый в чилийских водах, был затоплен – единственное судно злополучной эскадры адмирала графа Шпее, которое не было потоплено огнем английских пушек. Молодой лейтенант Канарис был интернирован на острове Квириквин в виду Вальпараисо, и это стало началом его богатой приключениями жизни.

Он бежал из чилийского лагеря, уплыв на лодке на материк, затем на лошади пересек всю страну, в том числе и Анды, и прибыл в Аргентину. В Буэнос-Айресе он под видом молодого чилийца Рида Розаса взял билет на голландский пароход «Фризия», направлявшийся в Роттердам – в нейтральные Нидерланды, якобы «для получения наследства, оставленного родственниками матери».

сью статью в книге «Вермахт и партия». Изданная отделом армейской пропаганды книга имела целью улучшить взаимопонимание между вооруженными силами и нацистами. В книге, посвященной столь деликатной теме, неизбежно следовало быть позитивным, но Канарис превзошел все пределы в своем панегирике. Он восхвалял Гитлера столь угодливо, что его протеже и начальник штаба полковник Ганс Остер, известный антифашистскими взглядами, сказал, прочитав статью: «Любой дурак всегда найдет еще большего дурака, который будет ему поклоняться».

⁹ Канарис никогда не пытался опровергнуть версию о его греческом происхождении и об адмирале Канарисе в качестве его предка. Более того, он поощрял эту легенду, даже когда его за глаза называли «маленький грек». По другой версии, род Канарисов – итальянского корня. (Примеч. науч. ред.)

На пути он прошел все английские проверки и вскоре оказался в Гамбурге. Затем, по-прежнему используя имя Рид Розас и свой чилийский паспорт, он отправился в Мадрид на свое первое настоящее задание в разведке.

В феврале 1916 года, когда Канарис пытался вернуться в Германию для прохождения обучения командованию на подводных лодках, в Домодоссоле близ швейцарской границы его арестовали итальянцы по подозрению в шпионаже (его прикрытие, «Рид Розас», было к тому времени уже ненадежным) и поместили в тюрьму Генуи. Однако Канарису снова удалось бежать. Он совершил побег, убив тюремного священника, которого заманил в камеру. Он надел сутану убитого и покинул тюрьму, прежде чем труп священника был обнаружен. Вернувшись в Германию через Мадрид, он стал командиром подводной лодки и до конца войны сменил еще несколько должностей в военно-морском флоте.

После поражения в Первой мировой войне он стал мастером интриги. В ноябре 1918 года он стал одним из первых профессиональных офицеров, добровольно перешедших на службу Веймарской республике, и это послужило началом той цепи предательств, которые были спутниками всей его карьеры. Он вошел в штат сотрудников нового военного министра – социал-демократа Густава Носке и в течение нескольких недель служил его младшим адъютантом. К январю 1919 года он становится тайным членом печально известной военно-морской бригады реакционных офицеров-авантюристов, которые под командованием капитан-лейтенанта Георга фон Пфлюгк-Хартунга окопались в берлинском отеле «Эден». Когда эденских головорезов обвинили в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, вождей «Спартака», Канарис принял командование бригадой, претендуя на роль покровителя арестованных ее членов. Одним из главных обвиняемых на суде был их собрат – офицер Фогель, который, как полагали, утопил тело Розы Люксембург в канале Шпрее. Канарис обеспечил Фогеля деньгами, поддельным паспортом и помог ему бежать в Голландию.

В феврале 1920 года Канарис был повышен в звании и стал старшим офицером крейсера «Берлин», базирующегося в Киле. Но это было лишь прикрытием. Фактически он был адъютантом контр-адмирала барона фон Гагерна, командующего Балтийской военно-морской базой – одним из военно-морских опорных пунктов для политических заговоров и тайного перевооружения Германии. В марте 1920 года Канарис без колебаний согласился содействовать восстановлению кайзера на троне. Он снабжал мятежников деньгами и оружием из секретных фондов и запасов военно-морской базы.

В 1922 году он принимает на себя еще одну тайную роль, став одним из главных организаторов негласной программы перевооружения военно-морского флота. Он участвует в создании нелегальных судоверфей и торпедных заводов за рубежом, манипулируя при этом значительными суммами для взяток и фондами для финансирования этих секретных проектов¹⁰.

Канарис был «неугомонен душой», как охарактеризовал его в секретном докладе один из начальников, «блестяще выполнявшим необычные и трудные задачи по управлению секретными военно-политическими операциями во время его частых миссий за границей». В те дни Канарис был постоянно в пути, переезжая под вымышленными именами и легендами при осуществлении тайных программ строительства военно-морских сил.

Так он провел большую часть бурных двадцатых годов. Другие появлялись на сцене и исчезали, но Канарис оставался постоянным кадром этого тайного консорциума, направляемого из архи-консервативного флота, – идеолог, кукловод, рабочая лошадка и специалист по улаживанию конфликтов, доверенный адмиральской клики. Хотя он не участвовал ни в одном из заговоров, он стал мишенью для подозрений и нападок социал-демократов. Он оставался на действительной службе, и в его секретном личном деле скопилось множество блестящих

¹⁰ По условиям Версальского договора от 28 июня 1919 г. Германии разрешалось иметь лишь ограниченные до минимума вооруженные силы.

характеристик. Он постоянно повышался в звании, а его власть и влияние росли еще быстрее. Как оценил своего нешаблонного подчиненного один из его начальников, Канарис стал заглавным элементом в механизме, подрывающем основы Веймарской республики.

И в 1933 году он приветствовал приход Гитлера к власти.

Хотя ему еще не было пятидесяти, щуплый, с желтоватой морщинистой кожей, Канарис выглядел значительно старше. Подчиненные сразу же прозвали его Старик. В первые недели работы в абвере ничто не сняло его опасений и не утвердило в правильности выбора места службы. Он укрылся в кабинете, из которого Патциг вывез всю собственную мебель, делавшую его уютным и удобным. Теперь кабинет был обставлен безликой казенной мебелью, как бы отражая его несентиментальный и безразличный характер, но Канарис добавил сюда несколько личных вещей. На его письменном столе стояла антикварная статуэтка, которую Канарис сделал символом абвера: известные три обезьянки, которые не видят, не слышат и не говорят ничего дурного. На одной стене висела большая карта, на другой – гравюра-портрет адмирала Канариса, японская картина с изображением дьявола и фотография его любимой таксы по кличке Зеппль¹¹.

Порой он шел по слабо освещенному коридору, держась около стенки, и при встрече кивал с легкой, почти незаметной улыбкой каждому, от старших офицеров до секретарей. Казалось, что это чужой среди чужих.

Я познакомился с Канарисом в январе 1935 года, через несколько недель после его прибытия на набережную Тирпиц на частном обеде в ресторане Аэроклуба неподалеку от его конторы. Обед был организован нашим общим знакомым, издателем еженедельника, собирающим информацию для абвера. Возможно, обманувшись моими частыми разъездами как корреспондента американской газеты в Германии, он, видимо, решил, что я мог бы стать неплохим случайным агентом с задачей сбора «полезной информации» во время поездок. Незадолго до этого посетил и сфотографировал (без официального разрешения) Вестерплатте, тщательно охраняемую, укрепленную польскую базу со складами вооружения в Нойфарвассере, контролирующую подходы к вольному городу Данцигу. Этим, по-видимому, он и обосновал перед Канарисом необходимость знакомства.

Этот хрупкий человек произвел на меня впечатление. Вспоминая наше краткое знакомство, я осознаю, что он, должно быть, затронул мое тщеславие. Вялое рукопожатие и небрежное приветствие свидетельствовали о его неудовольствии знакомством. Позже я узнал, что он был противником сотрудничества с журналистами, даже в качестве случайных информаторов. Во время обеда он почти не говорил и почти все время смотрел своим характерным отсутствующим взглядом не на меня, а сквозь меня.

Я не мог поверить, что этот помятый, неразговорчивый, рассеянный маленький человек и есть глава абвера. В нем не было ни импозантности Э. Филиппа Оппенгейма, ни презрительного цинизма, который я пытался в нем отыскать. Я ожидал увидеть жадное любопытство, которое поблескивало в глазах капитана Реджинальда Холла, легендарного шефа британской военно-морской разведки в годы Первой мировой войны, или спокойную компетентность французского генерала Дюпона из Второго бюро, – качества двух величайших шефов разведки, которых я знал. Ничего от их своеобразия, хитрости, донкихотства, уверенности, хватки – ничего этого не было видно в немце. Он показался мне честным тупицей, которого назначили на это место, чтобы обеспечить неспособность абвера конкурировать с организацией Гимmlера и Гейдриха. Лишь гораздо позже я понял, что Канарис с первого взгляда

¹¹ Позднее он добавил к этой скромной галерее своих любимцев фотографию генералиссимуса Франциско Франко с автографом.

правильно оценил меня и, решив, что я не являюсь многообещающим кандидатом для его организации, рассматривал этот обед как напрасную трату времени.

Когда Канарис появился на сцене, все в отживающем свой век абвере внезапно оживило. Он набросился на работу с энергией и воодушевлением, которых никто не ожидал от Старика. Он сделал абвер приемлемым для нацистов. Заявляя Патцигу, что знает, как поладить с Гиммлером и Гейдрихом, он выражал не надежду, а уверенность.

Он установил близкие и, казалось, искренне дружеские отношения с Гейдрихом, в котором видел потенциально наиболее опасного соперника. Молодой нацист был польщен вниманием высокопоставленного флотского офицера, видимо, потому, что лишь несколько лет тому назад был изгнан из рядов ВМФ за амурную интрижку с дочерью корабельного инженера. Канарис купил жилье в пригороде Берлина рядом с домом Гейдриха, и обе семьи стали добрыми соседями. Канарис угощал конфетами сыновей Гейдриха, а фрау Канарис осыпала комплиментами хорошенькую блондинку-соседку.

Канарис привел в абвер майора Рудольфа Бамлера и назначил его руководителем отдела контрразведки, работавшего в тесном контакте с гестапо. Выбор объяснялся тем, что Бамлер был одним из немногих офицеров Генерального штаба, кто открыто выражал свои симпатии к фашизму и был дружен с некоторыми видными нацистами¹². Канарис, который не был любителем устраивать приемы, стал организовывать дружеские вечеринки для Гейдриха и его окружения. Обычно эти пирушки происходили в отдельном кабинете ресторана «Дом летчиков» на Принц-Альбрехтштрассе, рядом с мрачным зданием гестапо, где располагалось ведомство Гейдриха.

Эта явно односторонняя услужливость перед Гейдрихом была плодом трезвого расчета, а не отражением истинных чувств Канариса. Канарис умиротворял нацистов главным образом для того, чтобы получить возможность развивать абвер в соответствии со своими амбициозными планами: сделать его самой большой и лучшей секретной службой в мире.

Абвер был реорганизован, и были созданы три оперативных отдела. Бывший *Geheimer Meldedienst* (разведывательный отдел, занимавшийся сбором информации и агентурными операциями) был значительно расширен и стал называться первым отделом. Новый второй отдел должен был осуществлять диверсионную и подрывную работу, а также вести «черную» пропаганду. В Баварии на Куензее был создан учебный лагерь для подготовки диверсантов, а в Берлине и Тегеле были организованы лаборатории для разработки оснащения диверсантов, а также шпионов из первого отдела нужным оборудованием: от чернил для тайнописи в виде зубного эликсира до взрывчатки, похожей на муку. Контрразведкой занимался третий отдел.

Личный состав набирался сотнями, а командный состав привлекался из Генерального штаба. Шеф абвера назначил весьма разнородное трио для руководства новыми отделами: добродушный, аполитичный, независимый благодаря своему богатству рейнландец Ганс Пикенброк стал организатором секретной разведки (эвфемизм слова «шпионаж»); чувствительный, глубоко религиозный, ярый антифашист Гельмут Гроскурт возглавил отдел саботажа и диверсий; и нацист Бамлер стал ответственным за деликатную контрразведывательную работу.

Канарис привлек фирму «Телефункен» для создания специального шпионского радиоприемопередатчика под названием АФУ (аббревиатура слов *Agenten Funk Geraet*), небольшого по габаритам, чтобы его было легко спрятать, но достаточно мощного для передач на дальние расстояния. Эта весьма предусмотрительная мера с его стороны имела как свои плюсы, так и

¹² Когда Бамлер покинул абвер и вернулся в Генштаб, он был послан на Восточный фронт командиром дивизии. Попав в плен Красной армии, в лагере он стал убежденным коммунистом. После войны он поселился в Восточной Германии, где занимал высокий пост в службе безопасности.

минусы, поскольку, когда «Телефункен» разработала этот приемопередатчик, из-за его исключительного качества сотрудники абвера слишком на него полагались.

1 мая 1935 года в целях дальнейшего улучшения каналов связи и для создания надежных оперативных баз за рубежом Канарис договорился о сотрудничестве с министерством иностранных дел. В результате этого дипломатические миссии по всему свету стали выполнять также функции региональных разведцентров. Отдельные дипломаты, обычно молодые атташе, стали в них резидентами (Abwehrbeauftragte), координируя деятельность абвера в своих зонах.

Одним из первых мероприятий Канариса стала рассылка в зарубежные миссии с дипломатической почтой так называемых Geheimausruestungen fuer Vertrauensleute (наборов секретного оборудования для тайных агентов) для последующего использования их шпионами. В эти наборы входило шифровальное оборудование, разработанное Куртом Зельхоном из криптографического отдела министерства иностранных дел. Ключи к кодам рассылались отдельно, в конвертах под сургучными печатями на имя глав миссий с распоряжением вскрыть только в случае войны или кризисной ситуации лишь после получения одного из десяти специальных кодовых слов. Для Англии таким паролем было слово «Наутилус», для Канады – «Джимми», для США – «Роберт».

В других опечатанных конвертах Канарис разослал списки агентов абвера, действующих в зонах соответствующих дипломатических представительств. Он также выслал каждому главе миссии чек, выданный «Дойче-банком» на «Барклай-банк» в Лондоне на сумму 406 фунтов, с указанием конвертировать их в местную валюту и держать в сейфе для выдачи агентам в случае необходимости.

Посылка в дипломатическую миссию в США была отправлена сухогрузом «Швабен» северогерманского агентства «Лloyd» под личную ответственность капитана, который передал ее из рук в руки послу в Вашингтоне и генеральному консулу в Нью-Йорке – первым германским дипломатам, которых Канарис избрал в качестве своих партнеров в этой стране. Через несколько месяцев такие же конверты были переданы генеральным консулам в Новом Орлеане и в Сиэтле, посланнику в Мехико и поверенному в делах в Панаме¹³.

В апреле 1935 года, лишь через три с небольшим месяца после вступления в должность, Канарис направил своих эмиссаров для создания резидентур в наиболее важных регионах. В Северную и Центральную Америку был послан с дипломатическим паспортом на имя Э. Дерпа капитан первого ранга Герман Менцель, кадровый разведчик, ставший впоследствии начальником отделения военно-морской разведки в первом отделе абвера.

Трудно поверить, что все эти мероприятия были осуществлены Канарисом в первые восемь месяцев пребывания в должности. Внезапно контрразведывательные службы по всему миру столкнулись с теми или иными видами подрывной работы, что сигнализировало о смене руководства в абвере.

Немецкая агентура резко проявилась в Австрии, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, в Балканских странах, Финляндии и даже в Эфиопии и Японии. Особенно активно она стала работать в Польше, Франции, Голландии, Бельгии и Люксембурге, но повсюду ее деятельность носила следы поспешности, поверхностной подготовки, непродуманной заброски.

В эти месяцы агентам Канариса еще не хватало опыта, и они быстро проваливались. В Бельгии 10 немецких шпионов были арестованы с 7 апреля 1935 года до конца года. Впервые после окончания Первой мировой войны немецкий шпион был арестован в Англии.

Во Франции, наводненной немецкими шпионами, в первые десять месяцев новой эпохи абвера был арестован 21 шпион, причем одного взяли с поличным при попытке похитить из

¹³ Другими пунктами назначения для таких посылок в Западном полушарии стали Бразилия (Рио-де-Жанейро и Порту-Алегри), Аргентина (Буэнос-Айрес), Уругвай (Монтевидео), Чили (Вальпараисо), Колумбия (Богота) и Перу (Лима), а в 1938 г. резидентуры абвера в Портленде, Орегоне и в Колоне, в зоне Панамского канала.

сейфа на военном аэродроме в Броне близ Лиона планы противовоздушной обороны, другой был пойман, когда фотографировал укрепления в Меце, еще двое – когда рылись в документах военного лагеря, официантка в Страсбурге – когда выпытывала у солдат военные секреты, еще двое были взяты в Вердене, когда передавали ночью зашифрованные сообщения с помощью фонарика.

В начале сентября Канарис, получивший к тому времени чин адмирала, отправился на юг с миссией чрезвычайной важности. В Мюнхене он встретился с начальником итальянской военной разведки генералом Марио Роаттой и договорился о самом тесном сотрудничестве против общих потенциальных противников¹⁴. Хотя в Италии был в разгаре абиссинский кризис и велась подготовка к вторжению в Эфиопию, Роатта выразил полную готовность к сотрудничеству и согласился со всеми предложениями Канариса. Союз между секретными службами Германии и Италии был подписан задолго до того, как Гитлер и Муссолини подписали пакт о создании Оси Берлин – Рим.

Из Мюнхена Канарис отправился в Берхтесгаден на самую важную для него встречу в новой должности. Он получил аудиенцию у Гитлера и прибыл с докладом о своих успехах и для получения инструкций на будущее.

¹⁴ Последовавшие за встречей с Роаттой действия Канариса ярко иллюстрируют методы, которые он использовал. Вернувшись через несколько дней в Берлин, шеф абвера с энтузиазмом рассказывал о соглашении с итальянцами и восхвалял Роатту за готовность сотрудничать. Но затем он сказал полковнику Пикенброку: «Кстати, я бы хотел, чтобы вы организовали резидентуру в Риме прямо сейчас. Укомплектуйте ее своими лучшими людьми и прикажите начать вербовку агентов немедленно. Мы должны как можно ближе приглядывать за итальянцами». Второй подобный альянс был заключен почти тогда же с венграми, в октябре Канарис вступил в такой же союз с японцами, а через пять лет японский премьер принц Коноэ официально присоединился к Оси.

Глава 2

Операция «Секс»

Ясным воскресным днем 8 сентября 1935 года Канарис сидел напротив Гитлера в большой гостиной замка в баварских Альпах, впервые оказавшись тет-а-тет с фюрером.

В отличие от Уинстона Черчилля, у которого был врожденный интерес к шпионскому делу и который открыто афишировал свою поддержку интеллигентс сервис, Гитлер притворялся незаинтересованным в разведке, хотя, конечно, был прирожденным конспиратором и изощренным интриганом. Он постоянно заявлял своим сотоварищам, что не испытывает ничего, кроме отвращения, к секретным операциям и что он никогда не унижится до того, чтобы позвать руку шпиону.

В одном из его нескончаемых монологов во время тех любимых послеобеденных бесед со своим окружением, в ходе которых формулировались его самые потрясающие заявления, легшие в основу анекдотов о нем, он как-то рассказал, что Фридрих Великий якобы сделал суровое внушение своему начальнику разведывательной службы лишь потому, что принесенная им ценная информация была добыта шпионом.

Но при беседе с Канарисом эта его позиция никак не проявлялась. Он никогда не давал аудиенции капитану Патцигу, но с новым шефом абвера это была не первая встреча, и Гитлер уже выказывал свое расположение к Канарису, который прекрасно знал, как угодить фюреру, сообщая лишь то, что тому хотелось услышать, и приправляя доклады так называемой «случайной информацией», собранной в ходе секретных операций.

С самого начала их знакомства Гитлер предпочитал иностранную информацию Канариса докладам немецких дипломатов, как более интересную и захватывающую. У немецких послов было принято сообщать только о том, что, по их мнению, было абсолютно достоверным и обоснованным. Канарис же не был связан такими традициями и ограничениями. В результате его сообщения, в отличие от нудных дипломатических докладов, имели злободневный характер, изобиловали пикантными подробностями и сплетнями о личной жизни знаменитостей.

Канарис продолжал лебезить перед Гитлером. Он заявил, что просил аудиенции не только для своего первого доклада о проделанной работе, но, главным образом, чтобы узнать о планах фюрера, в которых абвер может оказать неоценимое содействие.

Гитлер сообщил Канарису о предстоящем аншлюсе Австрии, и тот поспешил заверить, что его служба активно действует в этой стране. Был завербован и стал работать на абвер офицер австрийской секретной службы майор Эрвин фон Лахузен. Фюрер упомянул о вольном городе Данциге и «польском коридоре» как о нетерпимой аномалии, и Канарис ответил, что уже работает над этим вопросом, так же как и над проблемой чехословацких Судет. Он даже сумел завербовать лидера судетских немцев Конрада Генлейна в агенты абвера.

А Советский Союз? О, это очень трудный объект, но зато Польша и Франция находятся под контролем.

Англия? Нет. Гитлер заявил, что ему не нужны шпионы в Англии. Его политика «сближения» принесла свои плоды. В июне с правительством Болдуина было подписано англо-германское военно-морское соглашение. Велись переговоры и о других пактах. Шпионы в Англии были не нужны, они могли только подорвать усилия дипломатов.

Соединенные Штаты? Гитлер пожал плечами. Они далеко и слишком мало интересуются европейскими делами. Ему безразлично, что делается в Америке. Канарис был явно рад, что Гитлер не запретил ему шпионаж против заокеанских англосаксов, ведь, как ни странно, отдаленные и нейтральные США были важным объектом деятельности абвера.

Канарис был необычным шефом разведки, он не испытывал ни малейшего интереса к зарубежным странам. Единственная страна, воспоминание о которой грело его сердце, была

Испания, где он провел лучшие годы своей жизни и которую считал своей второй родиной. В течение десяти месяцев он использовал все ресурсы абвера для помощи мятежу генерала Эмилио Мола¹⁵, который, выступив на стороне генерала Франциско Франко 18 июля 1936 года, развязал Гражданскую войну в Испании. Он же стал играть ведущую роль в организации немецких и итальянских военных поставок Франко, обеспечивших ему победу в Гражданской войне. Франция и Польша занимали его только с профессиональной точки зрения. Англия лишь чуть-чуть, а США совсем его не интересовали.

Став руководителем конторы на набережной Тирпиц, он сделал удивительное открытие. Расширяя действующую сеть агентов в Польше и внедряясь во Францию, Данию, Бенилюкс и Чехословакию, он обнаружил, что абвер уже располагает мощной резидентурой в стране, которой он вообще не планировал заниматься, – в Соединенных Штатах.

В тот период Соединенные Штаты были озабочены только внутренними проблемами, но все же у абвера было за океаном около дюжины агентов, включая самых лучших. Интересно, что проникновение в эту страну не было результатом разработок абвера. Это было дело лишь одного разведчика, действовавшего под кодовым именем Секс, который осуществлял тайную войну на этих далеких берегах только по своей собственной инициативе. Со временем он превратил США в объект германского шпионажа, в первую очередь в столь важной области, как авиация.

К концу двадцатых годов интерес к Соединенным Штатам вновь ожил, главным образом из-за того, что рейхсвер, ограниченные вооруженные силы Германии, в 1926 году принял решение нелегально возродить военно-воздушные силы – «черное люфтваффе», включив их в состав вермахта, который тайно воссоздавался германскими милитаристами. В этих целях было создано специальное военно-авиационное бюро «Флигерцентрале» во главе с майором (впоследствии фельдмаршалом) Гуго Шперрле, асом Первой мировой войны. Бюро были переданы несколько эскадрилий устаревших самолетов.

Будучи связанной жесткими ограничениями, германская авиационная промышленность не могла обеспечить свою зарождающуюся авиацию. За границу были отправлены агенты с поручением закупать все, что возможно. Соединенные Штаты особенно заинтересовали эту агентуру своими революционными разработками в области авиации – гироскопами, автоматическими бомбардировочными прицелами, шасси, убирающимися в полете, и другими изобретениями, такими, как авиагоризонты, четырехлопастные пропеллеры и высокооктановое горючее.

Кое-что из подобного оборудования им удалось закупить, но вскоре немцы натолкнулись на два препятствия. Они израсходовали свои средства и обнаружили, что наиболее необходимые изделия, особенно производимые для ВМФ США, засекречены и не подлежат продаже.

Разработчикам из Флигерцентрале пришла идея, что, если они не могут приобрести нужное им оборудование на открытом рынке, значит, следует украсть то, что им не позволяют купить. Задание было поручено абверу, во главе которого тогда стоял полковник Фриц Гемпп, и в Нью-Йорк был направлен агент для создания специальной сети, занимающейся авиацией.

Отобранный Гемппом для этой миссии разведчик сошел с борта океанского лайнера «Берлин» компании Ллойда в порту Хобокен в Нью-Йорке 27 марта 1927 года. Это был неприметный скромный человек, не выделяющийся в толпе. И хотя нос был чуть великоват, губы слишком узкими, а уши слегка оттопыренными, его лицо было незапоминающимся. Скромно постриженный и просто одетый, среднего роста, он был абсолютно незаметным.

В его немецком паспорте он значился как Вильгельм Шнейдер, родившийся в 1893 году в Вецларе-на-Лане, женатый, по специальности настройщик роялей. Как и тысячи других, он прибыл в США на волне эмиграции в поисках лучшей доли в Новом Свете. Быстро пройдя

¹⁵ Э. Мола был одним из генералов, поднявших восстание 18 июля (Санкурхо, Кейпо де Льяно и т. д.). (Примеч. науч. ред.)

таможенные и иммиграционные формальности, Шнейдер сошел на берег и затерялся в огромном городе на берегу Гудзона.

Подобно пчеле, погибающей после того, как ужалил, Вильгельм Шнейдер перестал существовать, едва выйдя от инспектора иммиграционной службы, но лишь для того, чтобы возродиться под тщательно разработанной маской местного уроженца. Он сменил множество имен, был Вилли Меллером, Уильямом Секстоном, Биллом Лонкисом – это лишь несколько имен из тех, что он использовал за последующие восемь лет. В узком кругу знатоков он более известен как Уильям Лонковски.

На самом деле он не был Шнейдером и уроженцем Вецлара, и, хотя в его чемодане лежал набор камертонов, он не был настройщиком роялей.

Он родился в Силезии, был авиатехником в годы Первой мировой войны, к концу которой ему исполнилось двадцать пять лет. После нескольких неудачных попыток начать новую жизнь (включая даже учебу на медицинском факультете) он вернулся к своему первому увлечению и попытался связать свое будущее с авиацией. Он был знающим конструктором, но не смог найти работу на тех нескольких авиационных заводах, что были в те годы в Германии. Тогда он вернулся в рейхсвер, для того чтобы реализовать себя в абвере.

Лонковски не засел в бюро. Летом 1922 года его послали во Францию сделать обзор состояния французской авиации. Его доклад получил столь высокую оценку, что, хотя он и не прошел медкомиссии, на которой выяснилось, что у него хроническая язва желудка, его зачислили в резерв в качестве перспективного «крота» в ожидании важного задания в соответствии с его незаурядными способностями. Такая возможность представилась в 1926 году. Гемпп предложил ему отправиться в США, и Лонковски охотно принял предложение.

Перед выездом Лонковски снабдили шифровальной книгой, а он сам получил кодовое имя. Имя было выбрано весьма необычным. Человека, не имевшего никаких плотских желаний и вожделений, называли «Секс», а его миссию окрестили «Операция «Секс». На самом деле кличка была образована от одного из его фиктивных имен – Уильям Секстон, которым он одно время пользовался.

Лонковски дали из фондов абвера месячное содержание в 500 долларов. По тем временам это была немалая сумма, хотя она была удивительно мала для агента такого уровня. Но это было все, что абвер мог платить из своих мизерных фондов иностранной валюты.

Лонковски получил закупочный лист, который был составлен для него Флигерцентралом по материалам американских авиационных и технических журналов. Ему следовало разыскать тактико-технические данные авиадвигателя, разработанного Э.Г. Смитом, который якобы вдвое превосходил по мощности любой из тогдашних аналогов, двигателя «Кеминез» с воздушным охлаждением, проходившего испытания на авиационном заводе «Фэйрчайлд» на Лонг-Айленде, и пропеллера Майкарта фирмы «Вестингауз электрик».

Когда кандидаты проходили «селекцию» (так назывался научный метод подбора агентов) по их пригодности к шпионской работе, они должны были доказать, что обладают эмоциональной стабильностью и мало подвержены стрессам. Лонковски был исключительно мнительным человеком, всегда взвинченным и напряженным, а его язва не давала ему покоя. Тем не менее он был ближе к тому, чтобы стать превосходным разведчиком, чем любой из хладнокровных и непроницаемых британских денди.

Лонковски, хотя и был первоклассным авиаинженером, великолепно знающим свою специальность, был тем не менее очень прост. Он вел спартанский образ жизни, питался в основном тостами и молоком, и его коллеги называли его Каспар Милкитост. Он не был претенциозным, амбициозным или самонадеянным. Он пренебрежительно относился к замшелой театральности шпионажа и к его причудливой обрядности. В общем, он был превосходным шпионом.

Идея охватить всю американскую авиапромышленность, тем более с помощью лишь одного человека, была более чем дерзкой. Лонковски же не был ни озадачен, ни обескуражен. К началу 1928 года он уже освоился на новом месте и разработал свой образ действий. Он оставил настройку роялей и решил вернуться к своей специальности авиамеханика. С этой целью он стал подыскивать работу на одном из авиационных заводов на атлантическом побережье, где смог бы приобрести авторитет и связи, необходимые для создания агентурной сети. Он выбрал завод «Айрленд эркрафт корпорейшн» на Лонг-Айленде в качестве своей первой базы, используя ее и как стартовую площадку для внедрения своей агентуры на другие заводы.

Начав работу со скромной должности авиаконструктора, Лонковски совершил стремительную карьеру на заводе «Айрленд», быстро достигнув положения, позволяющего ему влиять на наем и увольнение сотрудников. Вскоре он уже смог отказаться от шпионской работы и стать резидентом, как и предусматривалось его заданием. Первым делом он обзавелся новой крышей, чтобы мотивировать свой интерес к вопросам, которые не должны были интересовать настройщика роялей. Он стал американским корреспондентом немецкого авиационного журнала «Люфтрайзе», хотя порой, представляясь авиационным журналистом, пользовался своими визитными карточками, где значился настройщиком роялей.

Еще до отъезда из Германии он подобрал себе двух помощников для работы в США. Первым был Вернер Георг Гуденберг, уроженец Гамбурга, чертежник с некоторыми познаниями в электротехнике. Другим был земляк Вернера двадцатидевятилетний Отто Герман Фосс, квалифицированный авиамеханик, выпускник Гамбургского технического института.

Осенью 1928 года Лонковски вызвал Гуденберга и Фосса и устроил их на «Айрленд эркрафт», положив начало хорошо продуманной операции по проникновению в американскую авиационную и военную промышленность. К 1932 году у Лонковски была уже налаженная шпионская сеть. Фосс и Гуденберг (к тому времени они уже готовились принять американское гражданство) были его ведущими агентами. Они оба уже покинули «Айрленд эркрафт». Фосс переехал в Балтимор, устроившись на завод, выпускавший винты для американского ВМФ. Гуденберг перешел на авиационный завод в Бристоле, Пенсильвания, на котором велись эксперименты по использованию алюминия для фюзеляжей. Лонковски отправил в Берлин обильную подборку докладов и чертежей, включая конструкцию «несгораемого самолета» и информацию о «самом мощном в мире двигателе с воздушным охлаждением», разработанном «Райт эронотикал корпорейшн». Прямо из конструкторского бюро «Кертис эрплейн энд мотор компани» он добыл чертежи самолета-истребителя, «способного садиться на корабль или на воду». Но отклик был далек от предполагаемого. Он продолжал получать свое ежемесячное содержание, но это была практически его единственная связь с абвером.

Полковник Гемпп ушел в отставку, а его преемник не интересовался операцией «Секс». Флигерцентрале наладило свои собственные контакты и больше не зависело от чужаков, работающих на абвер. Операция «Секс» была заморожена, а Лонковски затерялся среди других «кротов» абвера. Но позднее мы о нем еще услышим.

И вот наступил 1934 год, второй год пребывания Гитлера у власти.

Соединенные Штаты стали объектом нацистской пропаганды. Предполагалось, что миллионы американцев немецкого происхождения смогут быть организованы в серьезную политическую силу, способную оказать влияние на новую администрацию Рузвельта. То, что многие американцы немецкого происхождения достигли замечательных успехов в Новом Свете, было предметом гордости в Германии и аргументом для шовинистической гордости нацистов. Гитлер однажды заявил, что две трети американских инженеров – немцы. «Те люди, – сказал он, – от которых изначально зависело развитие [Соединенных Штатов], почти все имели германские корни».

Вдохновленные словами фюрера нацисты вышли на германо-американские землячества и сумели одурманить своей назойливой пропагандой тысячи людей. Их последователи расха-

живали со свастикой, устраивали демонстрации и беспорядки. Попытки вербовать шпионов, особенно среди тех «инженеров», о которых говорил Гитлер, были малоуспешными. Вся их деятельность в Нью-Йорке имела результатом привлечение лишь одного кандидата, врача по имени Игнац Теодор Грибль.

Доктор Грибль родился в Вюрцбурге, прекрасном старинном городе в Баварии в 1899 году, воевал артиллерийским офицером в Первую мировую войну и был ранен на итальянском фронте, где познакомился со своей будущей женой, австрийской медсестрой Марией Ганц. После войны при поддержке Марии он изучал медицину в Мюнхене до 1922 года, когда фрейлейн Ганц эмигрировала в США, пообещав выслать ему деньги на проезд, как только сможет. В начале 1925 года она сумела профинансировать его путешествие, затем помогала ему во время учебы в медицинском колледже Лонг-Айленда и в университете Фордхэма и дала ему денег, чтобы купить практику в городе Бангоре, штат Мэн.

Там у них завязались хорошие знакомства с некоторыми немцами, но ему не очень понравились жители Новой Англии. Честолюбивый молодой врач жаждал космополитской атмосферы Нью-Йорка, где ярче мог развернуться его талант. В 1928 году они переехали, и Грибль обосновался в Йорквилле, в самом сердце немецкой колонии Манхэттена, специализируясь на акушерстве и хирургии варикозных вен. Его уважали в округе, он стал официальным врачом нескольких немецких землячеств и процветал. Он и его жена приняли американское гражданство, и Грибль был зачислен в американскую армию как офицер запаса.

Грибль был политически активен, и нацизм стал прибежищем. Этот пухлощекий коротышка в очках стал активным нацистским пропагандистом еще до прихода Гитлера к власти. В 1933 году он решил расширить свою подрывную деятельность. Некоторые из его друзей занимали важные посты в американских оборонных учреждениях, и он решил, что сумеет привлечь кого-то из них к своей формирующейся шпионской сети во имя новой Германии.

3 марта 1934 года он направил Йозефу Паулю Геббельсу письмо с предложением своих услуг, сославшись при этом на лично известного Геббельсу своего брата Карла, ветерана нацистской партии, готового поручиться за него. Он писал Геббельсу, что уже не новичок в шпионаже, поскольку еще в 1922 году, будучи студентом-медиком в Мюнхене, во время летних каникул выполнял секретное задание абвера во Франции и вернулся оттуда с информацией, которую полковник Гемпп охарактеризовал как «интересную и полезную».

Геббельс переправил его письмо не в сонный абвер, который не интересовался ни Америкой, ни какой-либо еще страной, кроме Польши, а в гестапо, которое, как он знал, начало создавать всемирную сеть агентов и осведомителей. Из главного управления гестапо в Берлине заявление Грибля было препровождено в Гамбург в «Морское бюро» банковской расчетной палаты, где служащий Пауль Краус занимался созданием нацистских ячеек на трансокеанских лайнерах.

Краус использовал членов своих плавучих ячеек исключительно как курьеров. «Из Гамбурга, – писал он в своих рекомендациях по созданию всемирной сети, – в среднем тысяча судов ежемесячно отплывают во все порты мира, поэтому связь с иностранными государствами может поддерживаться с помощью завербованных членов команд этих судов». Работа по созданию этой сети началась еще в 1930 году, конечно нелегальная, поскольку фашисты еще не были у власти. К 1934 году, за год до назначения Канариса, у Крауса уже были тысячи агентов или кандидатов на эту роль, которые были аккуратно занесены в белые, желтые и голубые карточки, и их можно было привлечь к работе в случае необходимости. Особенно важное значение в том, что касалось Соединенных Штатов, имели члены экипажей «Европы», «Бремена», «Нью-Йорка» и «Гамбурга» – самых быстроходных трансокеанских лайнеров «Норт Джёрман Ллойд», курсировавших на линии Гамбург – Нью-Йорк.

На «Европе» в число агентов входили инженер, помощник капитана и стюард Карл Шлютер, на «Бремене» – два стюарда, один из них – Карл Айтель, на «Нью-Йорке» был Тео Шульдц,

а на «Гамбурге» один из помощников капитана. Хотя их и можно было использовать для сбора информации, после создания шпионской сети в США они должны были действовать главным образом в качестве курьеров.

Вербовка Грибля предоставляла Краусу возможность создания такой сети, и он пригласил доктора в свой офис в Стелла-Хаус в Гамбурге, чтобы обсудить возможности сотрудничества. Грибль за свой счет прибыл в Гамбург и охотно согласился работать на «Морское бюро» в качестве агента-вербовщика, подыскивая людей, которых можно было бы «развить» в полезных агентов. Вернувшись в Нью-Йорк, Грибль активно включился в деятельность общества «Друзья Новой Германии», с намерением использовать его как базу и крышу для шпионской деятельности. Он надеялся создать в ней несколько ячеек, но сумел организовать лишь одну, состоящую из него самого и трех «друзей» – Акселя Уиллер-Хилла, Оскара Карла Пфауса и еще одного молодого человека.

Ячейка не была такой неприметной, какой следовало бы быть звену шпионской сети. Маленькая группа будущих агентов была хорошо известна среди «друзей», которые нередко прохаживались по адресу «секретных ребят д-ра Грибля». Но как оказалось, секретная работа Грибля была нешуточным делом. Уиллер-Хилл и Пфаус стали важными винтиками в механизме немецкого шпионажа. В 1934 году, однако, этим ярым нацистам было далеко до того, чтобы называться секретными агентами. У них не было доступа к секретной информации и не было знакомств с теми, у кого был такой доступ. Поскольку им не удалось раздобыть ничего стоящего отправки в Гамбург, Гриблю пришлось позаботиться о поисках более перспективных кандидатов.

Он вспомнил своего старого приятеля еще по Новой Англии, который, по-видимому, отлично подходил для шпионской игры. В досье Грибля в абвере он значился под псевдонимом Данеберг, проходил под литерой «Т» (от слова «тыловой») и числился как субагент Ф-2307/д-ра Г.¹⁶ Из обнаруженного в архивах абвера личного дела Данеберга я узнал, что это был пятидесятидвухлетний одорукий американский инженер немецкого происхождения Кристиан Ф. Даниэльсен. Грибля в нем привлекло то, что он работал в конструкторском бюро завода по строительству новых эсминцев «Бат Айрон» в городе Бангор, штат Мэн. Грибль пригласил Даниэльсена в Нью-Йорк для возобновления знакомства, выслал ему 75 долларов на проезд.

Как оказалось, это был весьма полезный визит. Даниэльсен прожил в Штатах уже сорок лет и был натурализованным гражданином. В Германии у него были три дочери, кое-какое имущество, и он испытывал ностальгическую привязанность к старой родине. Он охотно согласился работать на Грибля и, таким образом, стал не только первым, но и одним из ценнейших членов формирующейся шпионской сети. Уже сразу после этого первого приезда Грибль вместе с Даниэльсеном отправился в Бангор, остановился в отеле и подождал, пока конструктор съездит к себе на завод и скопирует чертежи нового военного корабля, над которым работал. Эти материалы стали первым звеном в цепочке военных секретов США, выуженных Гриблем.

Затем неожиданно и по собственной инициативе к сети Грибля присоединился настоящий профессионал. В октябре 1934 года в приемной доктора в Йорквилле появился новый пациент с жалобой на воспаление надкостницы. Войдя в кабинет, он обратился к врачу:

– Не узнаешь, Игнац? Мы познакомились во Франции, выполняя задание полковника Гемппа.

– Ну да! – воскликнул Грибль. – Ты Вилли Лонковски! Надо же! Что ты делаешь в Америке?

¹⁶ В кодовом номере Ф-2307, присвоенном Карлу Айтелю, буква «Ф» означала, что он был курьером-связником. Тогда же Грибль был внесен в досье лишь как субагент Айтеля. Но когда доктор проявил себя как организатор шпионской работы, значительно превосходящий по своему значению Айтеля, он получил свой собственный номер А-2339, где «А» означала, что он агент, добывающий разведывательную информацию.

Лонковски рассказал о себе все: как был послан шесть лет назад в Штаты, как без малейшей помощи с родины создавал шпионскую сеть, как, непонятно почему, был позабыт абвером, а затем добавил:

– Я читал в газетах, что ты трудишься на благо нашей новой Германии. А потом я прослышал, что ты ищешь людей моей профессии. Вот я и пришел предложить свои услуги.

У Грибля это была самая необычная консультация в жизни, как для врача, так и для разведчика. Пока «пациент» лежал в кресле дантиста, он согласился объединить свою организацию со шпионской сетью Грибля.

Агент Секс с новыми силами приступил к работе. Весь 1933 год и большую часть 1934 года он был законсервирован, ломая голову, почему он больше не нужен абверу. Но все это время он не бездельничал. Он создавал и расширял свою сеть, чтобы быть наготове, когда придет команда из Берлина.

Его первые агенты Отто Фосс и Вернер Гуденберг были готовы добывать сведения, но, кроме них, были и другие. После того как Грибль и Лонковски объединились, в их группе появились уроженец Швейцарии, капитан армии США, поставлявший данные о новом вооружении пехоты, чертежник судостроительного завода из Нью-Йорка, конструктор-оружейник из Монреаля, инженер металлургической лаборатории государственного судостроительного завода из города Керни, штат Нью-Джерси, а также контактеры на военно-морских верфях в Бостоне и в Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния, а также и на нескольких авиационных заводах. И все это, не считая Даниэльсена в Мэне.

Это была удивительная сеть, с высокими шпионскими данными и значительным потенциалом. Но она работала в вакууме. Абвер по-прежнему не подавал признаков жизни. Канарис еще не появился на сцене. Краус в Стелла-Хаус не знал, что ему делать с материалами, которые была готова поставить группа Грибля – Лонковски. Его руководство из гестапо не было заинтересовано в оборонной информации и не было подготовлено к работе с ней. Его курьерская организация стремительно росла, была готова в любой момент начать работу. Но в тот момент у Крауса курьеров было намного больше, чем отчетов, которые следовало доставить.

Эта аномальная ситуация резко оборвалась. В конце 1934 года в отделение абвера в Вильгельмсхафене, занимающееся военно-морской разведкой, был назначен новый заместитель начальника, человек, которого называли то «герр доктор», то «доктор Эрдхофф», то «Н. Шпильман». Его настоящее имя было Эрих Файффер, и он имел ученую степень доктора политэкономии. В сорок с лишним Файффер после пятнадцати лет пребывания в отставке, когда он занимался бизнесом, возвратился в абвер в скромном звании капитан-лейтенанта, связав себя с рейхсмарине в надежде, что флоту понадобятся его способности. Его назначили начальником агентуры, когда практически еще не было агентов.

Этот высокий худощавый человек в очках стал неуловимым организатором немецкого шпионажа в США на все последующее беспокойное десятилетие. Его фамилия встречалась в каждом деле о шпионаже, которое удалось раскрыть ФБР, и Файффер проходил как один из организаторов в нескольких судебных процессах в Нью-Йорке. Но следить за ним приходилось издали, а судить заочно. В лучших традициях великих организаторов шпионажа Файффер оставался призрачным, безликим кукловодом, он дергал за веревочки, но сам не показывался.

Судя о нем только по его неудавшимся операциям и по его провалившимся агентам, явно плохо подготовленным, американская контрразведка быстро списала его со счетов как упорного, но не компетентного тупицу, чей массивный налет на американские военные секреты был столь же решительным и рискованным, сколь глупым и нерасчетливым. Но количество его успехов значительно превышало число неудач, и он стал одним из лучших мастеров шпионажа этого периода «штурм унд драг».

Это все еще была доканарисовская эпоха, когда контакты с нацистами были редкими и случайными. Файффер, как прагматик, не разделял антипатии капитана Патцига к ним. Едва

появившись на Вильгельмсхафен, он установил рабочие отношения с управлениями гестапо в Бремене и Гамбурге и был сторицей вознагражден за это.

Всего лишь через несколько месяцев после прихода на Вильгельмсхафен, 2 января 1935 года, когда он еще и не начинал формировать штат агентов, неожиданный звонок из Гамбурга вовлек его в работу. Это был Краус, звонивший из Стелла-Хаус с вопросом, не хочет ли Файффер повидать двоих «друзей», которые привезли ему «подарок» из Америки.

– Я готов за них поручиться, – заверил Краус. – Они выудили очень крупную рыбку.

Друзьями были стюард с «Бремена» и инженер с «Европы», решившие предложить свои услуги абверу, а их «подарок» привел в восторг даже флегматичного и скептического Файффера. Инженер с «Европы», еще новичок в разведке, принес номер торгового журнала «Мэриньюс» и несколько старых номеров «Нэшнл джиографик». Но «подарок» стюарда был значительно более ценным – он привез первую посылку от Грибля и Лонковски.

Это было засекреченное руководство для ВМФ США по тестированию металлов на судовых верфях, которое Грибль получил от инженера из Керни, и донесение Лонковски о некоторых фактах из личной жизни Фредерика Т. Бёрчхолла, главного европейского корреспондента «Нью-Йорк таймс», весьма досаждавшего Берлину своими яркими, дельными и аргументированными антифашистскими статьями. Он привез также образец теллура, который использовался в экспериментах по борьбе с коррозией на кораблях ВМФ США, и фотопленку с чертежами экспериментального самолета, разрабатываемого фирмой Сикорского в Фармингдейле, Лонг-Айленд.

Стюард сообщил доктору Файфферу, что может доставить гораздо большее количество подобных материалов, поскольку Грибль и Лонковски ждали только слова от абвера, чтобы развернуть широкомасштабную разведывательную работу. Стюард вкратце обрисовал предложения Лонковски в отношении будущего сотрудничества: он может вновь приступить к работе немедленно, восстановить все свои старые связи и вместе с Гриблем завести новые. Они планировали отправлять донесения в Вильгельмсхафен Файфферу с судовыми курьерами каждым рейсом «Европы» и «Бремена». Материалы предполагалось передавать на 35-мм фотопленке, а переснимать должен был Лонковски в лаборатории, оборудованной в его доме на Лонг-Айленде.

Как отмечал позднее Файффер, столь вовремя случившийся приезд Айтеля с этими «подарками» полностью изменил характер и направление деятельности отделения в Вильгельмсхафене. США заняли верхнюю строчку в списке объектов разведывательной деятельности, и были предприняты меры по ее расширению. Новые агенты были внесены в досье абвера. Карл Аитель, ставший главным курьером, числился в списках абвера под номером Р-2307¹⁷. Грибль получил псевдоним Илберг и новый номер – А-2339. Вся серия номеров 2300 была зарезервирована Файффером для агентов, задействованных в операции «Секс».

Наконец, 5 января Аитель с подробными инструкциями для Грибля и Лонковски отплыл обратно в США на «Бремене». После этого благодаря блестяще разработанным Файффером указаниям работа развернулась в строгом соответствии с правилами шпионажа. 12 января 1935 года у агента Секса в «Хофбраухаусе», немецком ресторанчике на Восемьдесят шестой улице, состоялась явка с агентом Р-2307. Началась новая многообещающая фаза операции «Секс».

¹⁷ Изменение буквы «Ф» на «Р» в кодовом номере Айтеля означало, что он из категории связника-курьера перешел в категорию агентов.

Глава 3

Вал удач в Америке

Ровно через месяц после первого появления Айтеля в Вильгельмсхафене, 2 февраля 1935 года доктор Эрих Файффер был вызван в главное управление абвера в Берлине для отчета о работе в Америке. Он обрисовал детали операции капитану 3-го ранга Удо фон Бонину, заместителю начальника отдела военно-морской разведки, курировавшему разведывательную деятельность в США, и полковнику Гансу Пикенброку, который только что прибыл на набережную Тирпиц, чтобы возглавить подразделение, известное под названием «Амтсгруппе-1» в главном управлении абвера. Шесть дней спустя адмирал Канарис в сопровождении Пикенброка посетил Вильгельмсхафен с целью проверки деятельности отделения Аст-Х, внезапно ставшего в абвере самым активным и важным из всех.

Вторая посылка с материалами от Лонковски была доставлена стюардом «Европы» Карлом Шлютером. Теперь не было сомнений, что американские «вольные стрелки» были лучшими и самыми продуктивными агентами абвера, и Файффер с его коллегами в фатерланде сделали все, что могли, для разработки этой неожиданно открытой бонанзы.

Энтузиазм Файффера оказал воздействие на скептически настроенного шефа абвера, чье безразличие к Северной Америке улетучилось. В одном из импровизированных выступлений перед личным составом своей организации он охарактеризовал США как «ключевое направление деятельности» абвера. «США должны рассматриваться, – заявил он, – как решающий фактор в любой будущей войне. Их промышленная мощь такова, что способна обеспечить победу не только самих Соединенных Штатов, но и любой страны, ставшей их союзником».

Он приказал Файфферу увеличить штаты его отделения и перебазироваться в Бремен, поближе к месту прибытия курьеров из США. Передислокация была произведена 1 октября 1935 года. В этот реорганизационный период оплата агентов вносилась в графу расходов наряду с такими хозяйственными расходами, как электрические лампочки (8—10 марок), касовые коробки для мелочи (19 марок) и канцелярские принадлежности (24,65 марки). Файффер снял помещение в деловой части Бремена (за 165 марок в месяц) и оборудовал там фотолабораторию (за 237,86 марки), поскольку большая часть материалов из США доставлялась на фотопленках. Он также арендовал два почтовых ящика (номер 161 в Вильгельмсхафене и номер 210 в Бремене) и организовал несколько адресов в городе, на которые должна была поступать секретная информация из Америки.

Два резидента в США совместно вели работу. Каждый раз, когда «Европа» или «Бремен» швартовались в порту Бремена, Файффер прибывал на явку с Айтелем, Шлютером или другими курьерами и получал их сведения. Это время стало звездным для Лонковски, который наконец дождался своего часа. Он переехал в дом в Хемпстеде на Лонг-Айленде, чтобы быть ближе к своим информаторам с авиационных заводов этого района и к аэродромам ВВС США Митчел-Филд и Рузвельт-Филд.

Операция «Секс» развивалась весьма успешно и в точном соответствии с планом. Удалось раздобыть конструкторские разработки автоматического прицела для пулеметов, доставленные одним из «друзей» Лонковски, офицером пехоты США, уроженцем Швейцарии, и чертежи нового танка-амфибии, разработанного в Лэнгли-Филд, Вирджиния. Ценность информации особенно возрастала благодаря ее новизне и оперативной доставке в Германию. Например, 18 июля военно-технический отдел люфтваффе сделал запрос на сведения о новых поплавках для гидросамолета, разрабатываемого заводом Сикорского в Фармингдейле, Лонг-Айленд. Отто Фосс, уже устроившийся на это предприятие, немедленно раздобыл необходимые сведения, и они поступили в Берлин к 8 августа.

С января, когда началась операция, и до конца июля, когда ее осуществление достигло пика, резидентура Лонковски поставила следующие материалы: тактико-технические характеристики всех самолетов, выпускаемых заводом Сикорского в Фармингдейле; чертежи самолета «FLG-2» и палубного разведчика-штурмовика «SBU-1» для ВМФ США фирмы «Ваут эвиэйшн»; тактико-технические характеристики бомбардировщиков, разрабатываемых фирмами «Боинг» и «Дуглас»; секретные карты армии США; технология процессов анодирования и хромирования; чертежи эсминцев «DD-397», «DD-398» и «DD-399»; чертежи нескольких новых приборов фирмы «Лиэр радио корпорейшн», предназначенных для военного и военно-морского министерств США; доклад о тактических военных учениях на аэродроме Митчел-Филд на Лонг-Айленде.

По заданию Файффера Грибль и Лонковски побывали в районе канадской границы для «поиска возможных пунктов для переброски больших групп агентов из Канады в США». В Монреале у них была явка с одним из их агентов – инженером канадской фирмы, сотрудничавшей с ВМФ США, и получили от него чертежи «нового зенитного орудия с электромагнитным устройством для увеличения скорострельности». Чертежи попали к Лонковски непосредственно с кульмана, и Файффер получил их фотокопии раньше, чем заказчик.

В сентябре Лонковски был близок к своему самому грандиозному успеху. Он завербовал сотрудника завода «Кёртис эркрафт» в Буффало, Нью-Йорк, по фамилии Гуденберг. Это был красивый, аккуратно подстриженный тридцатилетний мужчина с открытым лицом, женатый на хорошенькой американке, казалось бы, преданный своей новой родине и неспособный стать шпионом. Однако он был одним из главных информаторов Лонковски. Ранее Секс получил от него чертежи экспериментального ночного бомбардировщика и еще одного нового самолета, находящегося в стадии строительства. И вот в сентябре Гуденберг передал Лонковски технические чертежи сверхсекретного легкого бомбардировщика «SB-C2». Получение этой информации стало высшим достижением в шпионской карьере Лонковски. Оно стало также и его лебединой песней.

25 сентября 1935 года «Европа» готовилась к отплытию в Бремерхафен. Причал номер 86 на реке Гудзон в нью-йоркском порту был заполнен пассажирами, провожающими, чиновниками и таможенниками. Непрерывно подвозились букеты цветов и багаж, в каютах вовсю пили за отъезд, завязывались знакомства, чтобы сделать путешествие более приятным. Один из провожающих, невысокий худой мужчина в очках, держал в руках футляр от скрипки и о чем-то беседовал со stewardом.

– Что это у вас за скрипка? – поинтересовался проходивший мимо таможенник Моррис Джозеф.

– Самая обыкновенная, – небрежно ответил мужчина.

– Не разрешите ли посмотреть? Я очень интересуюсь скрипками.

Занервничав, коротышка открыл футляр. Приподняв скрипку из ее бархатного ложа, Джозеф сразу же увидел под ней фотоснимки чертежей самолетов. Помрачнев, таможенник положил скрипку на место, закрыл крышку и попросил ее владельца пройти с ним в помещение таможни на причале. Там он доложил о происшествии своему начальнику Джону У. Робертсу, и они вместе обыскали задержанного. В его карманах были обнаружены фотопленка и несколько писем, написанных по-немецки.

На негативах были изображены детали самолетов, а в письмах, подписанных «Секс», содержались такие фразы, как «интерес представляет обтекаемое шасси на одной стойке». Робертс немедленно позвонил на Говнер-Айленд майору Стенли Грогену из Джи-2 (контрразведка). Того не оказалось на месте, но его подчиненный, рядовой сотрудник, немедленно прибыл в порт обследовать немзыкальное содержимое футляра для скрипки. Увиденное произвело на него такое впечатление, что он тут же позвонил другому офицеру контрразведки, майору Джозефу Н. Дэлтону, и попросил указаний. Обстановка становилась все более напря-

женной, задержанный выглядел подавленным. Дэлтон попросил солдата описать фотоснимки, негативы и письма, а затем заявил:

– Я не вижу ничего особенного в этих фотографиях. Такие могут быть у каждого. Отпустите его и скажите, чтобы он явился завтра к нам для беседы с майором Грогеном. Кстати, как он назвался?

До этого никто и не подумал спросить у задержанного фамилию.

– Как ваше имя? – обратился к нему Робертс.

Человек в очках замялся. Похоже, ему хотелось назвать какую-либо вымышленную фамилию, но, заключив, что игра кончена, он решил не отпираться:

– Уильям Лонковски, сэр.

– Так вот, мистер Лонковски, – произнес Робертс, – сейчас вы можете идти, а завтра в десять приходите сюда. У нас к вам есть несколько вопросов.

«С тех пор я его не видел», – позднее говорил Робертс.

Что же случилось?

Покинув порт, Лонковски тут же позвонил в Хемпстед жене, велел снять со счета в банке все их деньги и привезти в приемную доктора Грибля. Затем на такси приехал к нему на Восемьдесят шестую улицу, рассказал, что случилось, и попросил вывезти его из страны как можно быстрее. Ближе всего была Канада, а им нельзя было терять время. Грибль вызвал агента абвера Ульриха Хаусманна, пребывавшего в Штатах под крышей корреспондента немецких авиационных журналов, и попросил отвезти их в его загородный дом в Пикскилле, Нью-Йорк, а затем доставить Лонковски в Канаду.

Похоже, что все обошлось. Никто не следил за Лонковски, когда он ехал в приемную Грибля, никто не спрашивал о нем в его доме на Лонг-Айленде. Во всяком случае, никто из властей. Берег был чист.

Хаусманн взял автомобиль Грибля, усадил в него Лонковски, и они уехали. Они доехали от Пикскилла до границы и пересекли ее у Рок-Айленда, Вермонт. Хаусманн сразу же позвонил Гриблю, который поддерживал связь с Файффером по телеграфу. Лонковски велели отправиться в Ривьер-де-Лу, куда причалил немецкий сухогруз. Они прибыли в порт у реки Св. Лаврентия, и там Лонковски поднялся на борт судна. Шкипер получил указание отплыть немедленно после прибытия пассажира. Лонковски отбыл в Германию днем 28 сентября, а Хаусманн благополучно вернулся в Нью-Йорк. Все получилось очень просто.

Весь этот эпизод был вкратце отражен в личной карточке Грибля в абвере следующим образом: «В 1935 г., действуя оперативно и решительно, оказал неоценимую службу в критической ситуации в ходе операции «Секс». Оценка неожиданного путешествия Лонковски отражена в бухгалтерской книге Файффера. Там фигурирует запись от 30 сентября о телеграфном переводе 100 марок на борт сухогруза, 10 октября отмечены 6 марок, потраченных на такси, на котором Файффер привез Лонковски из гавани, 12 октября к книге подколот чек номер 25 с пометкой «Расходы фрау Секс на поездку Нью-Йорк – Берлин».

Далее фрау Лонковски, или некая женщина, путешествовавшая под именем фрау Секс, незамеченной отбыла из Соединенных Штатов и благополучно добралась до Берлина, просто сев в нью-йоркском порту на лайнер до Бремена. Билет стоил 150 марок и еще 8,2 марки «фрау Секс» потратила на поездку на такси.

Но операция «Секс» вовсе не закончилась.

Вспоминая в мемуарах случай с Лонковски, бывший заместитель начальника военно-морской разведки контр-адмирал Эллис М. Захариас самоуверенно заявил: «Еще до того, как нам стало известно, что Лонковски сумел предупредить Грибля, мы с уверенностью ожидали, что задержание и последующее освобождение этого агента заставит всю группу прекратить на некоторое время свою деятельность, как это и произошло».

Но этого не произошло.

Грибль и Карл Айтель быстро осознали невероятную наивность американской контрразведки и, вместо того чтобы затаиться, стали еще активнее, чем прежде. В действительности казус с Лонковски, а это происшествие ничем иным и не было, открыл дорогу к тому, что может быть названо пиком немецкого шпионажа в Соединенных Штатах, который длился почти беспрерывно пять лет до середины 1941 года, то есть почти до событий в Пёрл-Харборе.

В лице Грибля и Айтеля адмирал Канарис получил двух талантливых асов разведки в США, а в лице Файффера – опытного организатора, которого нелегко было обескуражить. Было похоже, что инцидент с Лонковски стал катализатором в их карьере. Дилетанты внезапно стали профессионалами, а их организация уменьшилась и укрепилась благодаря внедрению системы конспирации.

В деле вербовки использовались различные методы, а особое внимание уделялось выходцам из Германии, натурализовавшимся в Германии. Закрепившись в США, они получали инструкции «добывать информацию где только возможно». В целях безопасности им рекомендовали воздерживаться от любой пронацистской публичной деятельности и стараться обеспечить себе респектабельное положение в обществе. Их шпионская деятельность держалась в секрете даже друг от друга, хотя они и пользовались теми же каналами передачи информации в Германию.

Система передачи информации была весьма простой. Курьерам сообщали пароль. Если у агента были родственники в Дрездене, курьер должен был сказать: «Привет из Дрездена», если у агента в Германии был знакомый по фамилии Шмидт, курьер говорил: «Привет от Шмидта».

На другом конце цепочки у абвера были агенты во всех важнейших портах Европы: в Лиссабоне, Генуе, Роттердаме и Шербуре. Так называемые «почтовые ящики» (условные адреса) были в Голландии, Италии, Шотландии, Бразилии и даже в Китае. Для ускоренной доставки материалов чаще использовались «Бремен» и «Европа». Когда удалось завербовать бортпроводника одного из рейсов на Лиссабон компании «Пан-Америкэн эрлайнз», этот маршрут стал самым быстрым каналом передачи информации, правда лишь в летную погоду.

Агенты обучались фотографированию миниатюрными фотоаппаратами, уместая документ размером в одну страницу на негативе 25 S 18 мм. Таким образом, курьер мог доставить множество инструкций различным агентам, а на обратном пути взять несколько дюжин фотокопий документов.

Были разработаны несколько несложных шифров, основанных на популярных романах, ключи к шифрам были записаны симпатическими чернилами на оборотной стороне фирменных пакетиков со спичками фирмы «Норт Джёрман Ллойд». Позднее были разработаны более сложные шифровальные системы для передачи информации по радио с трех передатчиков, доставленных абвером в Северную Америку.

Прибыв на место назначения, курьер связывался по предварительной договоренности с так называемым Umleitungsstelle (агентом-передатчиком). Обычно это были судовые поставщики либо другие лица, часто посещавшие порт по роду работы.

Вознаграждение агентуре выплачивалось различными способами. В одних случаях деньги перечислялись из банков в Латинской Америке, Мексике или Голландии на счета агентов в различных нью-йоркских банках, обычно «Чейз нэшнл» или «Нэшнл сити бэнк». Чаще американская валюта доставлялась курьерами и передавалась агентам.

Судя по финансовым документам, оплата была скромной. Инженер-швейцарец из Монреала получал по 50 долларов за каждую переданную информацию, а его курьер получал 30 долларов за доставку ее в Германию. Однажды курьер привез в Нью-Йорк 400 долларов для выплаты их пяти агентам. За пять месяцев 1937 года в Нью-Йорк было выслано 1400 долларов для выплат двадцати агентам. Самая крупная сумма, выплаченная одному агенту за один раз, составляла 1500 долларов.

К концу 1935 года операция «Секс», переименованная в операцию «Илберг», вступила в новую фазу с участием как прежних, так и вновь завербованных агентов¹⁸. В апреле к сети прикнула группа под кодовым названием «Краун», связь с которой поддерживалась по переписке и с помощью объявлений в газете «Нью-Йорк таймс». В нее входили Гюнтер Густав Румрих, тридцатисемилетний натурализованный судетский немец, демобилизованный сержант американской армии, и его друг Эрих Глязер, солдат срочной службы. Спецкурьерами группы Файффер (носивший для этой операции псевдоним Н. Шпильман) назначил Карла Шлютера и Иоганну (Дженни) Хофманн, молодую парикмахершу «Европы».

Ведущим агентом группы «Илберг» был Густав Гюллих, самый загадочный член сети, о котором не было упоминаний нигде, кроме секретных досье абвера, где я обнаружил некоторые факты. Отчет о его деятельности был столь же впечатляющим, сколь и его способность оставаться незаметным.

Гюллих был тридцатичетырехлетним уроженцем Мюнхена, приехавшим в Соединенные Штаты в 1932 году на постоянное жительство. Квалифицированный инженер-металлург устроился на работу в лабораторию верфи Керни, штат Нью-Джерси, и работал там, занимаясь, по-видимому, только своими делами, добросовестно выполняя служебные обязанности и не привлекая к себе внимания. Сухой худощавый холостяк скромно жил в номере 1150 отеля «Мартиника» на Западной Тридцать второй улице Нью-Йорка, неподалеку от Мейси. Страдающий приступами депрессии одиночка не имел друзей, пока не познакомился с Гриблем. Он быстро подружился с ним и легко принял предложение заняться шпионажем, видимо видя в этом возможность отвлечься от скуки и монотонности повседневной жизни. Гюллих быстро включился в работу и стал одним из самых старательных и ценных членов группы.

В своей лаборатории он добыл сверхсекретную информацию о ВМФ США в виде отчетов, чертежей и расчетов. В их числе были чертежи нескольких строящихся эсминцев, включая канонерку «Эри»¹⁹, описание снаряда со слезоточивым газом, чертежи нового пистолета «смит-и-вессон», чертежи самолета «Боинг-Р-26», тактико-технические данные гидролокатора, палубных орудий и снарядов к ним, образцы кабелей, а также значительное количество информации по металлургии, включая секретную технологию поляризации фольги.

Его шедевром стал врученный Гриблю 7 января 1936 года четырехстраничный меморандум с названием «Эксперименты с высотными ракетами США». В нем содержалось подробнейшее описание работ профессора Роберта Годдарда из университета Кларка в Уорстере, Массачусетс, который только что совершил, по характеристике Гюллиха, «прорыв в разработке ракетной техники».

В первом отчете Гюллиха содержалось резюме газетных статей о Годдарде, в большинстве которых великий физик изображался сумасшедшим профессором, желавшим добраться до луны. Однако в Германии внимательно следили за экспериментами Годдарда, и отчет Гюллиха был с живым интересом встречен в абвере. Ему приказали сосредоточить свои усилия на этом направлении и отправили список с вопросами, для ответов на которые в следующем году ему пришлось потратить значительное время. Однажды он даже съездил в Нью-Мексико, где Годдард проводил полевые испытания, и наблюдал запуском одной из первых ракет. В досье Гюллиха хранятся семь его отчетов только по этой теме. Последний, датированный 7 декабря 1936 года, сочли столь важным, что на нем была резолюция самого адмирала Канариса. В нем Гюллих приводил сведения о системе охлаждения камеры сгорания, давал расписание испытательных запусков до конца года и сообщал формулу жидкого топлива, используемого Годдар-

¹⁸ Дни Айтеля в этой шпионской сети были сочтены. Поскольку существовала вероятность того, что Лонковски мог его провалить, он был лишь временно назначен руководителем группы курьеров.

¹⁹ Канонерки тогда уже не строились. Имеется в виду сторожевой корабль. (Примеч. науч. ред.)

дом. На вопрос о наиболее возможном практическом использовании проекта Гюллих ответил, что «ракеты планируется использовать вместо управляемых звуковыми локаторами торпед».

Агентурная работа Гюллиха показывает, насколько простой может быть шпионская деятельность. В ней, даже при его особой осмотрительности, не было ничего театрального. Он время от времени скрытно копировал секретные бумаги, оказывающиеся на его письменном столе, вначале в Керни, затем на Восточной Двенадцатой улице в Нью-Йорке. Он также внимательно слушал и наблюдал за своими коллегами в лабораториях «ЮС Стил».

Даже его явки с Гриблем или курьерами были всегда обычными встречами в публичных местах. Они назначали время и место, где Гюллих обычно под столиком ресторана передавал свои материалы, завернутые часто в свежий номер «Нью-Йорк таймс». Курьеры обычно платили ему наличными, предпринимая при этом ничуть не большие меры предосторожности.

В Бремене не понадобилось много времени, чтобы по достоинству оценить Гюллиха. В сентябре 1937 года Файффер повысил его на один ранг в своей иерархии. До этого он был суб-агентом номер Ф-2307-Гю. Теперь он получил свой собственный номер, следующий из имевшихся в наличии в серии 2300. Тихий баварец не выразил ни эмоций, ни благодарности, когда Айтель сообщил ему, что теперь он будет числиться агентом 2338.

Все шло гладко, пока в июне 1937 году Грибль не поехал в отпуск в Германию вместе со своей стройной молодой любовницей. Поездка превратилась в триумфальное шествие вернувшегося домой победителя. Файффер встретил их в порту, разместил в номере люкс отеля «Колумб» в Бремене. Провел Грибля по своему отделению, а затем свозил в Берлин, где познакомил с капитаном Германом Менцелем и капитаном 1-го ранга Удо фон Бонином – руководителями отдела «М» абвера, курировавшего операцию «Илберг». Его также представили адмиралу Канарису и полковнику Пикенброку. В качестве прощального подарка Канарис преподнес ему документы на владение виллой в Гессене, конфискованной у еврея.

Вернувшись в Бремен накануне отъезда Грибля в Нью-Йорк, Файффер пригласил его с подружкой в кафе «Астория», и в веселой атмосфере ночного клуба они обсудили перспективы поступления информации из Нью-Йорка.

Как позднее признался Грибль, они говорили о «создании резидентуры в Монреале для работы в Канаде и Новой Англии» и «агентурных ячеек от Ньюпорт-Ньюса, Бостона, Буффало, Бристолья, Филадельфии и даже вплоть до Сан-Диего и Сиэтла на западе, а также в Бате, штат Мэн».

Файффер, язык которого развязался от шнапса, сообщил, что, помимо группы «Илберг», в Америке есть множество агентов, «включая двух отличных ребят в зоне Панамского канала». Один из его новых агентов, имевший свободный допуск на все военные объекты на востоке США, недавно побывал в военном химическом центре в Бельэре, штат Мэриленд. В Вашингтоне один из его людей работал в аппарате одного из сенаторов, а другой входил в ближайшее окружение президента Рузвельта. Файффер рассказал, что последний сообщил подробности конфиденциального совещания в Белом доме, на котором обсуждались проблемы уязвимости американских военных кораблей и возможности их конструктивной доработки. Агент, работавший в лаборатории войск связи в форте Монмут, штат Нью-Джерси, достал чертежи новейшей зенитной пушки «еще до того, как их получили в Вашингтоне».

«В каждом стратегически важном пункте США у нас есть хотя бы один разведчик, – похвалялся, по словам Грибля, Файффер. – На каждом оружейном заводе, на каждой судовой верфи Америки есть наши агенты, а некоторые из них занимают ключевые позиции. Американцы не могут планировать боевые действия, сконструировать самолет или разработать новый прибор без того, чтобы мы тут же не узнали об этом».

Учитывая также активность японцев, создавших собственную шпионскую сеть в США в сотрудничестве с абвером на основании соглашения, заключенного в Берлине между адмиралом Канарисом и полковником Осимой, можно сказать, что Соединенные Штаты были «зажаты

в клещи шпионажа». Это было, как заявил Гриблю Файффер, «самое эффективное и разработанное вторжение в великую державу за всю историю шпионажа»²⁰.

²⁰ Эти слова не были пустой похвалой. Способность немцев покрыть всю авиационную промышленность США имела большое значение. То, что они могли заполучить для развития люфтваффе все им необходимое, помогло обеспечить их боеготовность к 1939 г. Без помощи из Соединенных Штатов на это понадобилось бы гораздо больше времени, и немцы не смогли бы начать войну так скоро, как сумели.

Глава 4

Бомбардировочный прицел

В американской коллекции абвера была лишь одна лакуна – не удалось добыть столь важный предмет, что его отсутствие делало почти бесполезными все остальные приобретения. Это было сверхсекретное американское изделие, позволяющее бомбардировщику определять момент сбрасывания бомбы с тем, чтобы она попадала точно в цель. Не было секретом, что различные модификации такого бомбардировочного прицела были сконструированы совместно Карлом Т. Норденом и Теодором Бартом, а также разрабатывались Элмером Сперри. Сами же конструкции тщательно охранялись.

Прибор пользовался признанием в ВВС (и был предметом вожделения всех разведок), поскольку считалось, что он обеспечивает решение одной из основных проблем воздушной войны. Много болтали о точечной и ковровой бомбардировке, и неспециалисту могло показаться, что такая точность была достижимой. Но на самом деле точки были слишком большими, ковры чересчур широкими. Специалисты же сознавали необходимость поиска средств, чтобы «управлять бомбой в полете, наводя ее на цель».

Идея бомбардировочного прицела была не новой. Несколько известных американских изобретателей – Чарльз Ф. Кеттеринг, Джон Хейз Хэммонд-младший и Сперри – решили основные принципы этой проблемы, и их разработки любой мог найти в патентном бюро США. И кроме того, в газетах были упоминания о «наиболее охраняемом авиационном оружии этой страны», обеспечивающем США «фору в прицельном бомбометании».

Поскольку вся шумиха была поднята вокруг прицела «Норден», то и все секретные службы, естественно, положили глаз на него еще с 1921 года, когда Карл Норден начал эксперименты с первыми сырыми образцами. К 1928 году его серия «Марк-2» показала столь многообещающие результаты, что ВМФ сделал заказ на сорок прицелов, а капитан Фредерик Энтуистл был придан ему в помощь для доработки изобретения.

В 1931 году первый патент был тайно выдан на имя Нордена и Энтуистла (открытый патент был выдан лишь в 1947 году). Вскоре после этого японцы попытались купить чертежи, но Норден ответил резким отказом²¹.

Как ВМФ, разрабатывающий эту боевую технику, так и армейская авиация, которая смогла бы ею пользоваться, чуть ли не молились на это секретное оружие. Оно охранялось столь тщательно, что даже англичане, несмотря на все усилия, смогли получить его лишь с личного разрешения Рузвельта только в 1940 году.

Немцы раздобыли его еще в 1937 году, и это первый подробный рассказ о том, как это им удалось.

В 1936 году просочились сведения, что у Нордена готов к сборке высокоэффективный прицел. Согласно сообщениям, с новым прицелом для бомбежки на заданной скорости требовалось задать лишь два исходных параметра – направление и высоту, тогда устройство автоматически производило сбрасывание бомбы в нужный момент, чтобы она попала в цель.

Благодаря блестящей команде, специализирующейся на авиационных секретах США, абвер обеспечивал кратчайший путь к решению множества проблем, которыми занимался отдел материально-технического снабжения люфтваффе. Как только начинались разработки технического решения, сразу давали заказ майору Гансу Йохану Гроскопфу, начальнику технической службы I/Люфт – отдела авиационной разведки абвера, и Файффер отправлял его Гриблю с первым же судном, отплывающим на запад. Была ли это конструкция усовершен-

²¹ Норден подписал соглашение с ВМФ о передаче правительству США всех чертежей на бомбардировочные прицелы и на другие его военные изобретения, включая катапульту и тормозной механизм для обеспечения взлета и посадки на авианосцы.

ствованного обтекателя воздушного винта с улучшенной аэродинамической поверхностью или барометрический высотомер (это лишь два реальных заказа), агенты в США добывали практически все, о чем запрашивало люфтваффе.

В июне 1937 года, а затем и в августе генерал Эрнст Удет, заместитель командующего люфтваффе по материально-техническому обеспечению, лично попросил Канариса попытаться добыть конструкцию бомбардировочных прицелов Нордена и Сперри. Гроскопф отправил запрос в Нью-Йорк, но из группы Грибля никто не справился с задачей. В начале сентября в отделение абвера в Гамбурге прибыла очередная посылка от нового агента из Бруклина, от которого уже поступали отдельные материалы. Два чертежа весьма озадачили сотрудников Удета. На них были изображены квадраты и круги, соединенные пунктирными линиями, которые без пояснений не имели никакого смысла. Краткая пометка на схеме привлекла внимание Гроскопфа. Бруклинский агент сообщал абверу, что автор эскизов работает на заводе Нордена на Лафайет-стрит в Нью-Йорке и стремится установить связь с разведкой через специального связного²².

К тому времени шпионаж в Соединенных Штатах был практически вотчиной Файффера и направлялся из бременского филиала гамбургского отделения абвера. Отделение Аст-Х входило в состав Десятого военного округа и базировалось в его штабе на бульваре Софии, занимая ряд скромно меблированных комнат в массивном четырехэтажном здании в престижном жилом районе недалеко от центра.

Под руководством временного начальника отделения капитана ВМФ Йоахима Бургхардта (чьим жизненным принципом было не будить спящую собаку) Аст-Х никогда не тревожило свои подразделения. Бургхардт не обладал ни усердием и энергией Файффера, ни амбициями своего подчиненного. Под его руководством отделение, ответственное за Великобританию и всю Северную Америку, имело в своем активе в США лишь одного «крота», инженера по имени Эверетт Минстер Рёдер, незадолго до этого предложившего Бургхардту свои услуги.

Хотя Рёдер и работал на стратегическом заводе Сперри на Лонг-Айленде, имея доступ к важной информации, Бургхардт предпочел «законсервировать» его на будущее, чтобы не рисковать им в преждевременной операции. Кроме Рёдера, у Аст-Х были еще два случайных агента, один из которых и вышел на сотрудника завода Нордена.

За несколько месяцев до этого обстановка в застойном гамбургском отделении изменилась к лучшему с прибытием нового назначенца с поручением организовать в Аст-Х сектор авиационной разведки. Это был сорокалетний отставной офицер, рейнландец Николаус Риттер, сын президента колледжа и текстильный фабрикант из Нью-Йорка. Риттер совершенно случайно был выхвачен из списка кадров и направлен на эту работу. У него не было ни авиационного, ни разведывательного опыта, а по роду службы он был ранее на второстепенных ролях. Поскольку более десяти лет жил и работал в США, он свободно говорил по-английски и имел ряд полезных знакомств в Америке. И еще он очень нуждался в работе, поскольку его текстильный бизнес лопнул во время кризиса 1937 года.

Риттер получил от генерал-лейтенанта Фридриха фон Бёттихера, германского военного атташе в Вашингтоне, предложение возвратиться в Германию и вновь поступить на военную службу. Обдумав предложение, он, за неимением лучшего, принял его, и никто не был удивлен его назначением в абвер в качестве руководителя сектора авиационной разведки в Гамбурге больше, чем он сам. Его удивление возросло, когда в июле 1937 года он получил из Берлина подписанную самим Канарисом директиву усилить «разведывательную работу немедленно... охватив военно-воздушные силы и авиационную промышленность Соединенных Штатов».

²² На эскизах показана была лишь небольшая часть бомбардировочного прицела Нордена – один из пропеллеров и стабилизационный винт.

«Я откинулся в кресле и долго всматривался в эти сухие строки, – рассказывал мне после войны Риттер. – Когда я осознал их смысл, у меня перехватило дыхание. Это была огромная ответственность. На миг я забыл, где нахожусь и чем занимаюсь. Перед глазами встала моя прошлая жизнь в Соединенных Штатах со всеми взлетами и падениями. Мне было трудно свыкнуться с мыслью, что мне придется работать против страны, которую я любил почти так же, как свою родину».

Освоившись с идеей шпионажа против страны, гражданином которой он был всего лишь несколько месяцев назад (он сдал свои документы о гражданстве и вернулся в Германию по визе реэмигранта), Риттер принял твердое решение. Он займется организацией разведывательной деятельности в США. Риттер отправился в Берлин, чтобы получить разрешение высшего руководства на поездку в Америку, но обнаружил, что Канарис категорически против.

– В моем письме было сказано, что вам следует расширить нашу разведработу в США, исходя из требований люфтваффе, обеспечить его бомбардировочным прицелом Нордена, – заявил он Риттеру. – Это очень важное задание, связанное с серьезным риском. Мы не можем рисковать без необходимости, засветив вас и обнаружив свою заинтересованность в этом.

– Господин адмирал, я понимаю, что это весьма деликатная миссия. Именно поэтому я прошу разрешить мне заняться этим лично. Я знаю страну, я говорю на американском английском. Я не так давно работаю в разведке, чтобы американцы смогли узнать об этом. Ни один из моих агентов не знает ни моего настоящего имени, ни местонахождения моей конторы. Уверяю, что вероятность засветиться ничтожна. Но я знаю, что делать, и смогу выполнить задачу.

Канарис в конце концов дал согласие.

– Пожалуй, вы лучше всех подходите для этого дела, – сказал он Риттеру. – Но я хочу предупредить вас – держитесь подальше от официальных немцев, особенно от вашего друга военного атташе. Генерал фон Бёттихер не в курсе нашей работы. Он думает, что способен сделать ее лучше нас. Ни при каких обстоятельствах не приближайтесь к нему или любому другому германскому официальному представителю в США.

Риттер планировал изобразить свою поездку как можно более заурядной, используя в качестве прикрытия свою прошлую деятельность в качестве текстильного фабриканта. Он получил от нескольких гамбургских фирм доверенности на заключение сделок в США, а для подтверждения полномочий и аккредитив на крупную сумму, открытый в филиале «Нэшнл сити бэнк» на Девяносто третьей улице в Нью-Йорке.

У него была реэмигрантская виза, но он предпочел ехать с германским паспортом и под своим настоящим именем. Отправился он налегке, уложив все необходимое в два небольших старых чемодана и взяв портфель, без которого ни один немецкий бизнесмен не выглядел бы натурально. Он не подготовил никакой легенды, а единственным необычным предметом, взятым им, был зонтик в тонком деревянном футляре, похожий на трость. Зонтик придавал ему элегантность, но он предполагал, что ему можно будет найти и иное применение.

Риттер разумно выбрал себе самое подходящее прикрытие и выглядел совершенно безобидным, типичным бизнесменом среднего класса. Он был одет в серый костюм и, голубую рубашку, его походка была быстрой и деловой, и, даже отдыхая, он казался занятым. Под этой ординарной внешностью, однако, скрывался незаурядный, умный и проницательный человек, готовый правильно выполнить свою задачу. Он был респектабелен, и никто не мог заподозрить в нем шпиона. Риттер был таким, каким и должен быть разведчик.

В шесть утра 11 октября он вышел из дома и сел в машину, и шофер привез его в бременский порт, где он сел на борт «Бремена». Капитан Бургхардт пожелал ему счастливого пути. Через шесть дней Риттер был в нью-йоркском порту.

Его поездка была сочетанием сентиментального путешествия и делового вояжа. Он, как и каждый американец, жадно высматривал статую Свободы и с удовольствием использовал аме-

риканские идиомы в разговоре с сотрудниками иммиграционной и таможенной служб США, носильщиками и таксистами. У него было чувство, что он вернулся домой, попал в знакомое окружение, обменивался шутками с официантами, с чистильщиками обуви, но в то же время не забывал, что должен раздобыть секрет из секретов этой страны.

Как работают шпионы? Риттер не спешил и не жалел времени на то, чтобы составить и осуществить нужную конспиративную схему. Это не очень отличалось от обычных действий бизнесмена во время деловой поездки.

Риттер начал с двух близких приятелей еще до того, как ступил на американскую землю. На борту «Бремена» он столкнулся с репортером «Штаатцайтунг», популярной германоязычной газеты Нью-Йорка, и его старый знакомый шумно настаивал на том, чтобы отпраздновать неожиданную встречу.

– О, Риттер, что ты, черт побери, делаешь здесь?

Риттер предполагал, что может случайно встретиться с кем-то из старых знакомых, но заподозрил, что репортер мог догадываться о действительной цели его поездки.

– Я думал, – громогласно продолжал журналист, – что ты служишь в люфтваффе.

– Лишь в резерве, – так же громко ответил Риттер, – иначе я не был бы здесь.

Они рассмеялись, причем репортер, как показалось Риттеру, что-то знал.

Таможенник не проявил интереса к чемоданам Риттера, но внимательно исследовал содержимое портфеля и обратил особенное внимание на зонтик. Он попросил достать его из футляра и заметил:

– Неплохая штучка для шпиона.

Риттер искренне расхохотался вместе с чиновником, явно довольным своей шуткой.

Риттер зарегистрировался в отеле «Тафт» рядом с Таймс-сквер и провел следующие четыре дня, восстанавливая свои прежние деловые контакты²³. Он вел себя, как и следовало в его положении: просил клерка оставлять для него письма от фирм, сообщал адрес таксисту достаточно громко, чтобы мог слышать швейцар, отдавал свои рубашки для стирки и глажения в прачечную «Тафта», причем на белье ставились фирменные метки²⁴.

Риттер старательно поддерживал свой новый образ. Из телефонной будки он позвонил в «Ирвинг-Армз», маленький отель на Риверсайд-Драйв, и заказал номер на имя Альфреда Ландинга. Он отправил с почты «Тафта» письмо и открытку, адресованные Ландингу. Письмо было послано на главпочтамт до востребования, а открытка в «Ирвинг-Армз», и он носил их в кармане на случай, если понадобится удостоверить личность.

За двадцать долларов он купил подержанную пишущую машинку, затем пришел в «Нэшнл сити бэнк» и обналичил свой аккредитив, предъявив свой настоящий паспорт. По этому же паспорту он арендовал сейф для хранения своих документов, которые в ближайшие несколько недель не могли ему понадобиться. Как только он вышел из банка, Николаус Риттер, текстильный фабрикант, исчез. Теперь это был капитан Риттер, он же Ландинг, немецкий шпион, готовый выполнить свою задачу.

Была пятница 19 октября, чуть более двух часов дня. У него оставалось еще немного времени до первой встречи в новой роли, и он отправился на Пятую авеню в музей искусств

²³ Игнорируя элементарные нормы безопасности, секретные службы рекомендовали своим агентам останавливаться в одних и тех же отелях. «Тафт» был «абверовским отелем» в Нью-Йорке, в нем останавливались такие члены организации, как майор Ульрих фон дер Остен, прибывший в Нью-Йорк в 1941 г. с такой же миссией, как Риттер. Советская секретная служба направляла своих агентов в «Манхэттен», тоже в районе Таймс-сквер. Ричард Зорге останавливался здесь, когда у него была назначена в Нью-Йорке явка со связным из Москвы.

²⁴ Разбирая в Нью-Йорке вещи, Риттер с ужасом осознал, что едва избежал провала. На внутренней стороне воротника одной из его рубашек была этикетка «Гарнизонный магазин люфтваффе». Он немедленно срезал ее бритвой и сжег, как улику.

Метрополитен, чтобы провести там пару часов, как обычно поступают туристы. Около пяти он остановил такси и сказал водителю:

– 248, Монитор-стрит в Бруклине. Вы знаете, где это?

– Поищем, приятель.

Когда они подъехали к невзрачному зданию, Риттер попросил таксиста подождать, пока он проверит адрес. Затем он вернулся к машине, рассчитался, вновь вошел в вестибюль и подождал, пока такси отъедет. После этого, убедившись, что слежки за ним нет, он вышел на улицу, прошел до дома номер 262 и нажал кнопку звонка под карточкой жильца по имени Хайнрих Зон. Навстречу ему вышел коренастый мужчина средних лет в рубашке с короткими рукавами.

– Герр Зон?

– Да, я Зон.

– Рад видеть вас, Попс. Привет от Роланда.

Роланд было кодовым именем Риттера, которому Зон отправлял донесения с подписью Попс.

– Наконец-то вы приехали! Мы уж думали, что мы недостаточно хороши для вас, господа.

Он провел Риттера по длинному коридору в заставленную каморку и принес кофейник и две чашки. Затем они стали обсуждать дела.

– Я получил ваши сообщения, Попс, и прибыл, чтобы поблагодарить за великолепные материалы.

Зон не знал, что это были за «сообщения». Он был лишь одним из «почтовых ящиков» в Нью-Йорке, передающим добытые агентами материалы, но гордился тем, что Риттер доволен. Он чувствовал свою причастность к большому делу. Те эскизы он получил от человека из Глендейла, в Куинсе, известного ему как Пауль и явно желавшего передать основные материалы Риттеру, который специально приехал, чтобы встретиться с Паулем. Может ли Зон организовать им явку?

– Конечно, – ответил связник. – Но Пауль может приходить только по воскресеньям. Если вы назначите время, я узнаю, сможет ли он прийти.

В следующее воскресенье агент ждал его в квартире на Монитор-стрит. Это был, как позднее вспоминал Риттер, «худощавый мужчина тридцати с лишним лет, темно-русый, с открытым лицом, вызывающим доверие».

Паулем был Герман Ланг, механик-чертежник, натурализованный американец, который принес присягу Соединенным Штатам, не задумываясь о ее смысле. Простодушный труженик, когда наступил момент истины, окунулся в сложнейшую интригу, подобно мелкому игроку, который начал свою карьеру с того, что сорвал банк в Монте-Карло. Это был самый обычный человек, знающий свою работу, но совершенно примитивный в своих мыслях и чувствах, ходячее ничтожество. Он вел размеренный образ жизни типичного представителя низшего среднего класса в квартирке на 64-плейс в Глендейле вместе с женой и дочерью. Он был хорошим мужем и любящим отцом, честно зарабатывающим на жизнь. Его жена и дочь сгорели бы со стыда, узнав, кто он на самом деле. Когда они спали, он покидал свою теплую супружескую постель, чтобы копировать шпионские материалы на столе в холодной кухне.

Как такой человек стал шпионом? И почему? Ответ был прост. Ланг не был фашистом, не был обожателем Гитлера и ничего не имел против Америки. Но он считал себя «хорошим немцем». Но не только пылкий патриотизм толкнул его на шпионскую стезю. Ему представилась возможность стать на этот путь, когда он оказался наедине со сверхсекретными чертежами прибора, ставшего благодаря рекламе «священной коровой».

– Я работаю инспектором по сборке на заводе Нордена, герр Ландинг, – рассказывал Риттеру Ланг. – Те небольшие эскизы, что герр Зон передал вам, были лишь образцами. Они не дают представления о самом приборе. Сегодня я взял с собой более подробные чертежи.

– И это действительно бомбардировочный прицел Нордена? – спросил Риттер, едва скрывая возбуждение.

– Лишь часть его. У меня нет чертежей всего прицела, и я не думаю, что мне удастся их достать. Чертежи некоторых деталей мне не удалось сохранить, а с некоторыми мне не удалось ничего сделать. Американцы настолько засекретили это устройство, что даже собирают его на разных заводах, таких, как «Мергенталер линотип компани» на Райерсон-стрит в Бруклине. Но я не сомневаюсь, что ваши инженеры сумеют реконструировать недостающие детали с помощью тех чертежей, что я вам достану.

Как же он сделал это? Очень просто. Из-за секретности, которой был окутан прибор, разные бригады делали отдельные детали агрегата, работая по чертежам, которые Ланг, инспектор по сборке, имел в своем распоряжении. Каждое утро он получал их у начальника цеха и передавал каждой бригаде нужные ей чертежи. Вечером он собирал их, а если бригада заканчивала работу над своими деталями или узлами в тот же день, он должен был вернуть чертежи начальнику цеха. Часто работа занимала несколько дней, и тогда Ланг мог держать чертежи у себя, пока продолжалась работа по изготовлению узла.

Каждый раз, когда чертежи оставались у него на ночь, он приносил их домой и снимал копии через копирку. Чертеж узла, отправленный им в Германию через Попса, был первым. В этот раз он дал Риттеру чертеж еще одного узла прицела и обещал в следующее воскресенье принести третий.

Это представляло собой проблему. Чертежи были слишком большими, для того чтобы Риттер мог взять их в своем портфеле, но у него был человек, который мог бы их доставить в Германию. В Бремене ему сообщили, что один из корабельных стюардов первого класса был главным курьером абвера, агентом под кодовым номером Ф-2341. Это был Герберт Йенихен, голубоглазый светлокожий блондин, берлинец, который сменил Карла Айтеля, «погоревшего» во время провала Лонковски.

Риттер вышел на Йенихена во время плавания, и стюард согласился оказывать услуги, если понадобится. «Бремен» должен был прибыть в следующий вторник, 30 октября, и встреча с Йенихеном была назначена на тот же день в 15 часов в аптеке здания «Таймс».

Риттер прибыл на явку с чертежами Ланга в футляре от зонтика и попросил стюарда провезти его в Германию. Тот отказался, поскольку спустился с судна без зонтика и не мог пронести его на лайнер, минуя таможеню. Йенихен предложил встретиться еще раз. Он придет на явку с зонтиком, который вынесет через таможеню, и таким образом сможет внести его обратно без таможенной проверки.

На следующий день Йенихен прибыл в номер Риттера в «Ирвинг-Армз» с тяжелым старым зонтиком.

– Мне пришлось поломать голову, выдумывая причину, по которой я беру зонтик в такой чертовски ясный и солнечный день, – рассказывал он, – и я сказал, что повредил коленку и беру зонтик, чтобы опираться на него при ходьбе.

В этой упаковке чертежи второго узла бомбардировочного прицела 31 октября 1937 года покинули страну на борту «Бремена».

До следующей встречи с Лангом Риттеру надо было как-то убить неделю, и он провел это время не без пользы. У него был список «кротов» – законсервированных агентов абвера, и он поочередно встречался с каждым из них, переводя их в категорию действующих. В понедельник 29 октября, на следующий день после его продуктивной встречи с Лангом, он позвонил по Трафальгар 4-9867, номеру, который помнил наизусть, и условился о встрече с Фредериком Юбером Дюкесном, первым номером в списке.

Он знал Дюкесна еще во время жизни в США, и этот представительный степенный мужчина старше пятидесяти лет потчевал его рассказами о своих фантастических подвигах времен

Первой мировой войны, когда он оказал «неоценимую службу Германии». Дюкесн был профессиональным разведчиком, чьими побудительными мотивами было то, что он называл «неутолимой ненавистью к британцам». Он был уроженцем Капской колонии (Южная Африка), и, по его словам, его мать убили после пыток во время Англо-бурской войны, и он поклялся мстить английским солдатам. В начале Первой мировой войны он переехал в Англию, предложил немцам свои услуги в качестве секретного агента и таким образом начал свою шпионскую карьеру. Некоторые из его подвигов – например, история о том, что он направил подводную лодку на крейсер, на котором лорд Китченер в 1917 году плыл в Россию, и таким образом способствовал гибели лорда Китченера в морской пучине, – были лишь плодом его воображения. Но он действительно вел шпионскую работу как в Англии, так и в США, где организовывал саботаж на кораблях и портовых сооружениях, используемых британцами в 1916–1917 годах²⁵.

После войны он принял американское гражданство и стал литератором и лектором с устойчивой репутацией. Риттер подумал, что старый профи может заинтересоваться предложением вернуться к прежней работе. Он не разочаровался. Они встретились в квартире на Семьдесят восьмой улице в Манхэттене, быстро договорились, и Дюкесн вновь стал работать на абвер.

Затем Риттер познакомился с «кротом» капитана Бургхардта Эвереттом Минстером Рёдером в Меррике на Лонг-Айленде, где у последнего был респектабельный дом на Смит-стрит. Этот сорокачетырехлетний инженер обещал быть не менее полезным, чем Ланг. Он работал на заводе «Сперри» в конце Флэтбуш-авеню в Бруклине и обладал доступом к бомбардировочному прицелу «Сперри» и к знаменитому гироскопу этой фирмы.

В этот же приезд Риттер завербовал также Лили Барбару Каролу Штайн, модель, немку по происхождению, проживавшую на фешенебельной Ист-Сайд в Манхэттене. Она пользовалась популярностью среди прожигателей жизни и имела несколько влиятельных приятелей в Нью-Йорке и Вашингтоне. Риттер нашел и специального связника, молодую женщину, работавшую секретарем поверенного германского консульства в Нью-Йорке. Ее квартира на Западной Восемьдесят первой улице одно время была главным пунктом передачи материалов, собранных для абвера Дюкесном, Рёдером и прекрасной Лили.

В качестве главного выхода на вашингтонские источники (включая высокопоставленного дипломата) и на сплетников из нью-йоркских кафе Лили добыла массу полезной информации.

Позднее адмирал Канарис записал, что в течение года Рёдер раздобыл «полный комплект чертежей радиооборудования нового бомбардировщика «Глен Мартин», а также другие приборы производства фирмы «Сперри»: «систематизированные чертежи радиопеленгатора, оборудования слепого полета, указателя крена и поворота и штурманского навигационного компаса».

Вскоре и Дюкесн, третий и наиболее важный член новой сети Риттера, прислал в Германию «конструкцию секретного аккумулятора, механизма управления пропеллером и чертежи множества других секретных устройств». Старый профи легко освоился.

Риттер прибыл на третью явку с Германом Лангом на Монитор-стрит в воскресенье 3 ноября и получил от него чертежи конструкции еще одного узла секретного бомбардировочного прицела Нордена. Он был так потрясен добычей Ланга, что выдал агенту 15 хрустящих сотенных банкнотов, самую большую единоразовую сумму из когда-либо выплачивавшихся абвером своим агентам в Америке.

11 ноября Риттер, довольный феноменальным успехом своей поездки, отплыл в Гамбург. Но если он ожидал, что его встретят как героя-победителя, то он был глубоко разочарован. Чертежи, которые он доставил, не смогли дать инженерам генерала Удета представления о

²⁵ По официальной версии, крейсер «Хемпшир» с Китченером погиб на минном поле. (Примеч. науч. ред.)

конструкции всего устройства. Поскольку они не могли свести концы с концами, в люфтваффе стали сомневаться: а были ли это вообще чертежи узлов бомбардировочного прицела?

Риттер вынужден был привлечь экспертов, чтобы убедить Удета и его коллег в том, что на этих чертежах действительно были основные узлы Nordensches Zielgeraet (так немцы называли бомбардировочный прицел Нордена). Лишь после того, как два видных ученых, профессор Айзенлор из Франкфурта и профессор Фухс из Гёттингена, идентифицировали чертежи как действительно содержащие важные части бомбардировочного прицела, Удет дал распоряжение изготовить модель по этим чертежам. Но Риттер все еще не мог праздновать триумф. Первая модель не работала, потому что конструкторы Удета не могли «додумать» недостающие узлы.

В конце концов Риттер связался с Лангом и попросил его приехать в Германию и помочь в лабораторной сборке изделия. В качестве вознаграждения он пообещал ему вклад в 10 тысяч марок в Немецком банке и компенсацию всех расходов на поездку. Ланг принял приглашение. Под предлогом, что хочет навестить родственников, он прибыл в Германию весной 1938 года, чтобы помочь в окончательной сборке копии американского бомбардировочного прицела.

Но впрочем, вокруг его приезда не было ажиотажа, на который он, возможно, надеялся. Риттер поручил агента Пауля майору Гроскопфу из I/Люфт, который встретил Ланга в Берлине и поселил его в роскошном отеле «Эспланада».

Войдя в номер, Ланг увидел на столе полностью собранный бомбардировочный прицел, совершенно подобный тем, что были на заводе Нордена.

– Боже мой! – воскликнул он. – Так вы уже собрали его! Значит, я теперь и не нужен!

Гроскопф поспешил разуверить его.

– Эта модель, – с радушной улыбкой сказал он, – не была бы на этом столе без вашего ценнейшего сотрудничества, герр Ланг.

Гроскопф объяснил, что по чертежам, добытым Лангом, профессор Фухс разработал бомбардировочный прицел, названный Adler-Geraet и представляющий собой, как полагают, усовершенствованную модификацию прицела Нордена. Именно модель реконструкции американского прицела Фухсом и была представлена Лангу в номере отеля.

Ланг провел чудесную неделю в Берлине, где Гроскопф и его коллеги из абвера устроили для него сплошной праздник, и он даже был принят Германом Герингом и получил благодарность шефа люфтваффе. Риттер демонстративно не принимал участия в торжествах, путь к которым он и проложил. Помимо краткого благодарственного письма от Канариса, он не получил никакой награды за свои труды. В конечном итоге успех прибавил перьев на шляпу майора Гроскопфа.

Одиссея прицела Нордена, начавшаяся в 1937 году в Бруклине, окончилась весной 1945 года в заброшенной австрийской деревеньке. Части генерала Джорджа С. Паттона из наступающей 3-й армии захватили завод, который немцы пытались укрыть в Тирольских Альпах, и в руки победителей попало сверхсекретное изделие под названием «Luftwaffenzielgeraet-EZ-42».

Сначала решили, что это одно из оригинальных изобретений немцев, и с триумфом принесли изделие в технический отдел разведслужбы 3-й армии.

Как выяснилось, это был бомбардировочный прицел Нордена.

Глава 5

«Проект 14» – как парализовать панамский канал

Какой бы многообещающей ни была новая сеть майора Риттера, она все же была нацелена на более поздние операции. А сейчас, в конце 1938-го и в начале 1939 года небольшая ячейка, созданная далеко на юге, была более актуальной и важной. В ней были собраны обученные профессионалы, и работали они под руководством капитана 1-го ранга Германа Менцеля, начальника отдела военно-морской разведки Берлинского управления абвера.

Эта сверхважная миссия имела кодовое название «Проект 14», и ее задачей была рекогносцировка Панамского канала.

В тридцатых годах канал как магнитом притягивал к себе интерес. Все противоборствующие секретные службы считали его критической зоной нашей национальной безопасности – нашим единственным действительно уязвимым стратегическим объектом, за исключением Пёрл-Харбора. Зона была насыщена японскими и итальянскими шпионами, хватало там и советских агентов.

Когда в 1935 году капитан 1-го ранга Менцель посетил Панаму, он назначил Курта Линдберга, директора местного агентства линий Гамбург – Америка и германского консула в Колоне, также и резидентом абвера. В марте 1938 года важность этой резидентуры стала причиной того, что адмирал Канарис выслал туда один из своих шпионских наборов с капитаном «Швабена», специально сделавшим крюк, чтобы доставить посылку.

Еще в те времена, когда зарубежная разведка велась наобум, абвер искал пути, чтобы обеспечить исчерпывающее изучение канала. Эта деятельность была инициирована специальным запросом военно-морского оперативного штаба, а затем и Генеральным штабом ВВС, которым потребовались детальный топографический и технический отчеты о канале, и со всех немецких судов, проходящих по каналу, велось наблюдение за американскими гарнизонами и военными сооружениями в этой зоне.

Для налаживания систематической работы в Панаму был направлен опытный оперативник абвера Вольфганг Блаум. Это был опытный специалист с техническими знаниями и воображением, а также умелый организатор. Поработав с германской колонией в зоне канала, он создал две отдельные агентурные ячейки. Одна состояла из множества информаторов, находящихся в каждом заслуживавшем внимания пункте, а вторая состояла из одиннадцати человек и специализировалась на важных персонах.

Лидерами малой ячейки были два профессиональных шпиона: Ганс Хайнрих Шаков, с отличием окончивший школу абвера в Гамбурге и работавший под прикрытием пароходной компании «Хапаг-Ллойд» в Бальбоа, и двадцатидевятилетний Эрнст Роберт Кухриг, тоже выпускник гамбургской разведшколы, маскировавший свою шпионскую деятельность работой по ремонту пишущих машинок.

Ячейка Шакова была типичной командой под руководством резидента и с парой профи в качестве лидеров. В ней был и неизбежный партийный функционер по имени Гисберт Гросс, и своя Мата Хари – девятнадцатилетняя секретарша германского консула в Колоне Ингеборг Вальтраут Гутманн. Она отвечала за канцелярскую работу и совмещала ее со сбором информации от проезжающих морских офицеров, которые охотно беседовали с жизнерадостной хорошенькой девушкой.

Семеро других членов группы были простыми рабочими: слесари, механики, каменщик, крановщик, портовый грузчик. Они были весьма полезны и важны, поскольку имели отношение к работе порта. Все они уже долго жили в зоне канала, считались хорошими работниками и пользовались уважением сослуживцев, начальников и соседей. Они хорошо знали все ходы и

выходы, имели обширный круг знакомых, а пользуясь должностным положением, и свободный доступ к любым тщательно охраняемым сооружениям и устройствам порта.

Пример Эрнста Кухрига наглядно показывает, как свободно немцы распоряжались в зоне канала и насколько плохо была поставлена охрана в ее районах ограниченного доступа. Когда-то он был юнгой и впервые попал в Панаму в 1931 году в возрасте девятнадцати лет. Он сбежал с судна и нелегально остался в Панаме, укрываясь у одного китайца до 1936 года, когда был арестован, осужден на двадцать шесть дней тюрьмы и выслан из страны.

Через год после депортации Кухриг вернулся в Панаму и в качестве мастера по ремонту пишущих машинок получил доступ в форт Рэндольф (США), где часовые без проверки пропускали его туда и обратно. Он провел в форт Шакова и Гросса вместе с мисс Гутманн в качестве прикрытия, говоря часовым, что они собираются посидеть в ресторане в беспопылинной зоне, и принесся присягу, как это требовалось по закону, что у них нет с собой фотоаппаратов. Вместо ресторана они пошли бродить по форту, как обычные туристы, подходя к таким закрытым объектам, как артиллерийская батарея на Калета-Пойнт, и фотографируя их «лейкой», спрятанной в чемоданчике с инструментами, хорошо знакомом всем часовым.

От Шакова и его группы шел поток информации к Блауму, который, используя официальные каналы консульства, передавал их в абвер. Несколько примеров показывают, насколько хорошей была крыша:

«В связи с нехваткой стройматериалов сооружение третьего шлюза около Педро-Мигеля было приостановлено для обеспечения строительства других оборонных сооружений. Подобная нехватка стала причиной, помешавшей реконструкции шлюзов в Мирафлоресе и Гатуне».

«Новое транспанамское шоссе будет построено между Колоном и Панама-Сити. Две полосы от Панама-Сити до плотины Медден уже готовы. Однорядное шоссе от плотины до Франс-Филд строится».

«Электростанция на плотине Гатун расположена слева от шлюза и укрыта соломой в целях маскировки. Форт Рэндольф, форт Коббе и форт Амадор оснащены длинноствольными береговыми орудиями калибром до 356 мм».

«Гарнизоны форт Дэвис и форт Клейтон укомплектованы главным образом пехотинцами с легким вооружением. Большое число мулов в этих фортах указывает, что подразделения часто патрулируют джунгли».

«База подводных лодок ВМС США в Коко-Соло недавно была усилена флотилией торпедных катеров».

Эта примечательная коллекция сообщений, впрочем прекратившихся в 1941 году, была обнаружена в одном из захваченных архивов абвера. Там я нашел и данные о самом «Проекте 14» в виде досье с подробными картами Панамского канала, включая детальные снимки крупным планом плотин у озера Гатун и Педро-Мигеля, откуда шло снабжение водой всех шлюзов, электростанций и военных сооружений.

Вдохновленный этими примечательными данными, добытыми шпионами Канариса, рейхсмаршал Геринг однажды даже размышлял о возможном использовании его дальней авиации. В апреле 1939 года он публично заявил, что Панамский канал не так неуязвим, как считают американцы.

– Две мои бомбы, – заявил он, – сброшенные на канал Кулбра, в десять минут сделают весь этот водный путь непроходимым.

Геринг, судя по всему, имел в виду протоку Кулбра в Сьерра-Панаме, горном массиве, прилегающем к Панамскому каналу, – участок, на который Вольфганг Блаум, руководитель шпионской сети в зоне канала, указывал как на один из наиболее уязвимых стратегических пунктов. Когда в 1939 году Геринг делал свое заявление, он надеялся, что люфтваффе сможет разработать бомбардировщики дальнего радиуса действия типа «Кондор», с помощью которых он сможет совершать налеты на ключевые цели в Западном полушарии. Этими бомбардиров-

щиками были «FW-200» фирмы «Фокке-Вульф», четырехмоторные монопланы с экипажем из трех человек, крейсерской скоростью около 380 км и потолком в 6000 м. Первоначально он был разработан в транспортной модификации и рассчитан на перевозку 26 пассажиров, но в люфтваффе надеялись переоборудовать его в разведывательный вариант для полетов в целях поддержки подводного флота в Атлантике²⁶, а также использовать как бомбардировщик для налетов на США.

Хотя шпионы отлично проделали свою работу, Герингу, однако, так и не представилось случая сбросить свои две бомбы.

²⁶ Этот вариант был воплощен в жизнь. В 1940–1943 гг. «FW-200» участвовал в «битве за Атлантику». (Примеч. науч. ред.)

Глава 6

Операция «Краун»: первый провал

К 1938 году у немцев было в США несколько десятков разведчиков, больше, чем в какой-либо другой стране, за исключением Польши и Франции, хотя ни Гитлер, ни высшее командование вермахта не интересовались всерьез этой страной. Немецкие шпионы посещали недорогие кафе на Таймс-сквер, неподалеку от причалов порта на реке Гудзон, через который проходили их секретные каналы связи. Явки назначались также в кафе и пивнушках на Восточной Восемьдесят шестой улице, немецком квартале Нью-Йорка, где многие из них действовали совершенно не таясь.

Однажды в кафе «Максль», самой популярной пивной Йорквилля, клиент по имени Карл Виганд (на самом деле стюард Теодор Шульц) слегка перебрал. Когда он полез в карман за деньгами, чтобы рассчитаться, он вытащил из бумажника два хрустящих тысячедолларовых банкнота и пустил по рукам собутыльников за своим столиком, чтобы похвастаться.

В другой раз в кафе «Гинденбург» человек, известный как герр Шмидт (в действительности Карл Шлютер), надевая пальто, выронил из кармана пистолет. Его приятели притворились, что не заметили этого, тогда агент, подняв оружие, с ухмылкой показал его им. Если бы случайный свидетель и увидел эту сцену, он бы мог и не обратить на нее внимания. Пистолет на столике в переполненном кафе могли счесть игрушкой в руках шутника.

В ночь святого Сильвестра, канун Нового, 1938 года, в Йорквилле было шумное празднование с серпантином, конфетти и шутихами, смесью немецкой кухни и американского попкорна. Каждое кафе, бирхалле и простая пивнушка на Восемьдесят шестой улице были переполнены, и в аудитории каждой была своя доля немецких шпионов, как всегда вызывающих подозрение, самых пьяных, самых шумных и самых расточительных.

Доктор Грибль был в кафе «Гинденбург» в компании изящной брюнетки, которая сопровождала его в том триумфальном путешествии по Германии в 1936 году. Карл Шлютер сидел в кафе «Максль» за столом, полным гостей, среди которых были две девушки, с которыми у него одновременно были романы, – его постоянная подруга рыжеволосая кудрявая парикмахерша с лайнера «Европа» Иоганна Хофманн и высокая блондинка чуть старше двадцати, единственная за столом, кто говорил по-английски без акцента. Это была американка из Куинса, с которой Шлютер сошелся несколько месяцев назад, когда она совершала плавание в Германию для стажировки в Берлинском университете после окончания Хантер-колледжа.

За столом был еще один гость, мрачный человек за тридцать, с глубоко посаженными печальными глазами и черными волосами, зачесанными назад. Он был несколько безразличен к пирушке и беседовал со своей соседкой глухим низким голосом. Его отстраненность почти что портила общее веселье.

Шлютер то и дело провозглашал тосты за Новый год, открывая одну бутылку мозельского Блюмхена за другой. Этот год обещал быть хорошим, особенно благодаря человеку, сидящему за его столом, которого он называл Тео и время от времени похлопывал по плечу.

Тео был «фаворитом конюшни», он два года назад добровольно предложил немецкой разведке свои услуги способом, описанным в бульварных шпионских романах. Листая в Нью-Йоркской публичной библиотеке книги о шпионаже, он наткнулся на воспоминания полковника Вальтера Николаи, руководителя германской военной разведки в годы Первой мировой войны, и ему пришло в голову, что он сможет сколотить состояние на шпионаже в пользу Германии.

В начале 1936 года он через берлинскую нацистскую газету «Фёлькишер беобахтер» отправил Николаи письмо, в котором назвался «высокопоставленным американским военным», и попросил переслать письмо «соответствующим органам». Если там заинтересуются

его услугами, написал он, то пусть поместят в колонке «Личные сообщения» газеты «Нью-Йорк таймс» объявление «Теодору Кёрнеру: письмо получено, пожалуйста, пришлите ответ и адрес Сандерсу, Гамбург-1, п/я 629».

Этот устаревший способ переписки давно скомпрометирован и в шпионаже не применяется, поскольку наверняка привлечет внимание контрразведки. Но американские органы казались настолько самодовольными, что немцы без колебаний согласились на эту процедуру, представляющую смесь скачек и бюрократической конторы.

Николай передал письмо полковнику Пикенброку в Берлин, а тот переслал его в гамбургское отделение для исполнения. Там дело было поручено капитану Эрнсту Мюллеру, бывшему шкиперу «Хапага», который, в свою очередь, дал курьеру, работающему на лайнере «Гамбург», задание поместить в «Нью-Йорк таймс» объявление. Мюллер дал ему 10 долларов для оплаты объявления и разрешение на вывоз валюты через немецкую таможеню.

В Нью-Йорке курьер передал поручение капитану Эмилю Мауреру, помощнику управляющего агентством «Хапаг-Ллойд», а тот отправил текст объявления с вложенной купюрой в 10 долларов в газету.

Необычная процедура привлекла внимание следователя «Таймс» Чарльза Хойта. Ему показалось странным, что Маурер прислал наличные, а не чек с расчетного счета «Хапаг-Ллойд». И почему солидная фирма связывается через «Таймс» вместо того, чтобы отправить письмо Кёрнеру по почте? Его подозрения были вполне оправданы, поскольку «Сандерсом» был Мюллер, офицер отдела военно-морской разведки в Аст-Х, а письмо было первым шагом к установлению связи с возможным шпионом. Хойт пропустил объявление, когда Маурер уверил его, что это было добропорядочное деловое сообщение.

Все это заняло определенное время, и лишь 6 апреля 1936 года послание было опубликовано в газете. Человек, назвавшийся Теодором Кёрнером (имя известного немецкого поэта XIX века), откликнулся сразу и отправил Сандерсу длинное письмо с описанием своих возможностей. По его словам, хотя он и занимает «важный пост в армии» США, он стремится служить Германии «всеми, чем сможет». У него масса «отличных контактов», и он хорошо знаком с «офицером войск связи в Митчел-Филд», имеющим дело с секретными кодами.

Деньги не главное, писал он Сандерсу, но ему потребуются средства «на подкуп и оплату информации».

Он подписался своим настоящим именем – Гюнтер Густав Румрих и сообщил адрес для связи: «Денвер кемикал мэнюфэкчуринг компани» на Уорик-стрит в Нью-Йорке²⁷.

Вскоре Сандерс исчез из вида. Гамбург тогда не был готов к сотрудничеству, и в дело вмешался Бремен. Капитан Бургхардт переслал письмо Румриха в подразделение капитана 1-го ранга Файффера, и Карлу Шлютеру было поручено связаться в Нью-Йорке с кандидатом в агенты и оценить его.

Явка была назначена на 3 мая в 20.00 в кафе «Гинденбург», и связник вернулся в Бремен с отчетом, в котором настоятельно рекомендовал абверу привлечь новичка к работе. Однако Румрих вовсе не был таким идеальным кандидатом в шпионы, каким его описал Шлютер. Это был тридцатисемилетний прощельга, пьяница, наркоман, бабник, воришка и лжец, который не мог удержаться ни на одной работе, даже мойщиком посуды в закусочной. Лишь в американской армии ему удалось продержаться семь лет и даже стать в конце концов сержантом, несмотря на две самоволки, растрату казенных денег и шестимесячное заключение.

Незадолго до того, как предложить свои услуги германской разведке, он вновь покинул свою часть. Не имело бы смысла описывать этапы жизненного пути этого неудачника. Если бы социопсихолог захотел выяснить, как ни на что не годный человек мог бы стать удачли-

²⁷ На самом деле Румрих жил в Бронксе, но не решился сообщать домашний адрес, полагая, что «нацисты могут с подозрением отнестись к человеку, живущему в еврейском квартале».

вым шпионом, случай Румриха стал бы для этого отличной иллюстрацией. Этот шарлатан и пройдоха стал блестящим разведчиком и в течение двадцати месяцев, с мая 1936-го по февраль 1938 года был одним из лучших агентов Файффера, руководителем шпионской группы «Краун». Он и сам находил информацию, но чаще отвечал, и обычно успешно, на все более сложные запросы Файффера о «численности и дислокации вооруженных сил США на восточном побережье».

То ли благодаря прямолинейности и примитивности своих методов, то ли из-за разгильдяйства американской службы безопасности он своевременно выполнял все порученные ему задания. Когда Файффер запросил статистические данные о венерических заболеваниях в вооруженных силах США, Румрих получил их непосредственно из секретных картотек форта Гамильтон, одного из оборонительных сооружений у входа в гавань Нью-Йорка. 11 января 1937 года он позвонил в форт и заявил капралу, ответившему на звонок:

– Это майор Милтон из медицинской службы. Я звоню с угла Четвертой авеню и Восемьдесят шестой улицы в Бруклине. Меня направили в Нью-Йорк, чтобы сделать закрытый доклад о венерических болезнях в вооруженных силах, но, к сожалению, я оставил свои заметки в Вашингтоне. Не могли бы вы сообщить мне данные, вы понимаете, что я имею в виду, о числе офицеров и солдат в форте Гамильтон, сколько из них подхватили венерические заболевания, какие и так далее.

Капрал передал поручение канцеляристу, который быстро нашел все данные, и поручил рядовому солдату доставить их на такси «майору Милтону», ожидающему в Бруклине на углу. Румрих дал солдату доллар, чтобы рассчитаться за такси (30 центов по счетчику) и величественно добавил:

– Сдачу оставь себе.

Легкость, с которой Румрих добывал материалы, разжигала аппетиты Файффера. Его поручения становились все сложнее и опаснее, но ничто не могло озадачить Крауна. В ноябре 1937 года Бремен запросил криптографическую информацию – секретнейший «шифр, используемый в настоящее время для связи между кораблями флота и береговыми батареями».

Румрих раздобыл его за 30 долларов у солдата, с которым подружился во время службы в зоне Панамского канала. Этот его приятель, двадцативосьмилетний рядовой, уроженец Лейпцига Эрих Глязер, служил в то время в 18-й разведэскадрилье ВВС в Митчел-Филд. Он принес на явку секретную шифровальную книгу «Зеткод», которой пользовался для связи с береговыми батареями и кораблями, и Румрих тут же в кафе «Гинденбург» скопировал ее под звуки оркестра, исполнявшего веселые немецкие песни.

За время своей шпионской деятельности Румрих передавал в абвер информацию о дислокации частей береговой артиллерии в зоне канала, данные об Атлантическом флоте США, несколько секретных армейских наставлений и справочников, схему расположения зенитных установок ПВО Нью-Йорка и множество других «секретных и совершенно секретных материалов».

Последнее задание Файффера было доставлено в Нью-Йорк Шлютером в канун Нового, 1938 года и передано «Тео» Румриху на вечеринке в кафе «Гинденбург». В нем в обычной вежливой манере говорилось: «Пожалуйста, достаньте монтажные чертежи авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз» и информацию о проводимых в лаборатории войск связи в форте Монмаут, штат Нью-Джерси, экспериментах по обнаружению приближающихся самолетов».

– Кроме того, – передал Шлютер, – нам нужны американские паспорта для агентов, посылаемых в Россию. Как вы думаете, вы сумеете раздобыть бланков пятьдесят? Герр Шпильман (кодовое имя Файффера для этой операции) установил за них специальную цену. За всю партию он готов уплатить тысячу долларов.

Тысяча долларов! Это была самая крупная сумма, предложенная ему немецкой разведкой. Такая перспектива сразу отвлекла его от этой дурацкой вечеринки. А Шлютер добавил:

– Герр Шпильман интересуется также мобилизационными планами американской армии на восточном побережье. За них вы можете получить еще тысячу долларов.

Тогда-то Румрих принял твердое решение. Он раздобудет паспортные бланки и мобилизационные планы во что бы то ни стало.

Но его шпионская карьера уже подходила к концу.

Тихим субботним утром 27 февраля 1938 года во время традиционного утреннего доклада о сообщениях, поступивших за ночь, Иоахиму фон Риббентропу доложили об аресте Румриха по обвинению в шпионаже. Он к тому времени после четырех или пяти лет пребывания на задворках дипломатии всего лишь третью неделю занимал должность министра иностранных дел и поначалу не знал, что делать с этой новостью. Когда его пресс-атташе показал депешу об аресте Румриха, он, как это сделал бы министр иностранных дел любой страны, возмутился, узнав о грязных методах, применяемых его страной во внешних отношениях.

Но причина его гнева была не только в этом. Его и ранее раздражал низкий статус его ведомства в гитлеровской иерархии.

«У фюрера, – говорил он позже, – были различные источники информации о Соединенных Штатах и Англии, о которых мне было неизвестно... Он встречался с ними [информаторами], не ставя меня в известность».

Риббентроп вскоре узнал, что Канарис был самым важным из них. Теперь наступила его очередь нанести удар. По его расчетам, провал шпионской группы Румриха послужил бы явным свидетельством того, что абвер не что иное, как шайка болванов, чья деятельность за рубежом лишь мутит воду международной политики и наносит непоправимый ущерб Германии. Это было началом вражды, которая через шесть лет разрешилась падением Канариса и упадком абвера. Тогда же, в 1938 году, Риббентроп попытался нанести первый удар, нажаловавшись Гитлеру на неуклюжие действия Канариса, но безуспешно. Канарис отвел удар от себя, сумев убедить Гитлера, что арестованные в Америке люди (провал Румриха потянул за собой еще с десятков агентов) не имели отношения к абверу.

– Все они, мой фюрер, – заявил он, – немцы-патриоты и преданные национал-социалисты, единственная цель которых состояла в том, чтобы служить вам и вашей новой Германии.

Сам же Канарис не был удовлетворен своим объяснением. Вернувшись в управление, он вызвал полковника Пикенброка и приказал провести «безжалостное расследование этого случая».

Это событие показало, что у абвера достаточно много уязвимых мест. Оно также стало первым свидетельством того, что немцы теперь не одни в этой игре. Наряду с ФБР в нее вступила британская контрразведка, и этот англо-американский антишпионский альянс фатально отразился на последующих операциях в США.

Виновицей провала Румриха оказалась шотландка Дженни Уоллес Джордан, пятидесятиоднолетняя сотрудница салона красоты на Кинлок-стрит в городке Данди. Ее шпионская деятельность, возможно, осталась бы незамеченной, если бы не изрядная почта, которую она получала. В конце 1937 года это обстоятельство показалось подозрительным ее почтальону, и он сообщил об этом своему начальству в Лондоне. Информация оказалась на столе у майора У.Э. Хинчли Кука в кабинете 505 военного министерства на Уайтхолле, где располагалась английская контрразведка МИ-5.

Майор Кук установил наблюдение за миссис Джордан и вскоре выяснил, что, несмотря на британское подданство, она была вдовой немца, погибшего в Первую мировую войну, воюя в кайзеровской армии. Затем ему удалось узнать, что в 1937 году она несколько раз ездила в Германию без каких-либо резонных причин. Хотя она утверждала, что все ее родственники живут на Британских островах, она получала письма из США, Франции, Голландии и Южной Америки и сама отправляла увесистые пакеты по самым дальним адресам.

Письма миссис Джордан подверглись перлюстрации, и, прочитав их, Кук убедился, что добропорядочная вдова была почтовым ящиком для обширной шпионской сети немцев. Ряд адресованных ей писем, отправленных из Нью-Йорка, были подписаны «Краун» и содержали неопровержимые доказательства того, что корреспондент был не просто шпионом, а весьма энергичным организатором разведывательной сети, раскинувшейся от Буффало до Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния.

На Уайтхолл решили ознакомить американцев с этим открытием. Заместитель начальника МИ-5 капитан Гай Лиддел (наименее известный из британских контрразведчиков, но зато самый грозный из них) был направлен в Вашингтон, где передал разоблачительные материалы директору ФБР Эдгару Гуверу.

И 28 января 1938 года ФБР приступило к охоте, потребовавшей активной работы всех его звеньев, чтобы выследить Крауна и выяснить, что его настоящее имя – Гюнтер Густав Румрих.

С того самого момента, как Карл Шлютер насадил на крючок приманку в виде награды в 2 тысячи долларов за доставленные мобилизационные планы и бланки паспортов, Румрих лихорадочно изыскивал возможность раздобыть требуемое. Уже после войны Файффер, рассказывая мне об идеях Румриха, заметил:

«К сожалению, Шлютер, в общем-то здравомыслящий человек и надежный агент, пошел на поводу у этого фантазера. Он так был ослеплен сумасбродными замыслами Румриха и бредовыми его планами, что без согласования с нами согласился участвовать в некоторых операциях, о которых мы в Центре не знали».

На самом деле Файффер знал по меньшей мере об одном из этих планов, но счел его совершенно неприемлемым и отверг. Дело касалось мобилизационных планов. Румрих узнал, что одним из американских офицеров, имеющих к ним доступ, был командир 62-го зенитного полка береговой обороны в форте Тоттен, Лонг-Айленд, полковник Генри Элджин, и придумал фантастический план похищения офицера. Был сфабрикован приказ за подписью начальника штаба сухопутных войск генерал-майора Мэйлина Крейга, которым предписывалось полковнику прибыть в отель «Макалпин» в центре Нью-Йорка на заседание штаба, «имея при себе мобилизационные планы и планы береговой обороны, а также карты и схемы».

По замыслу Румриха, как только полковник войдет в номер, должна взорваться газовая граната с хлороформом, и, когда офицер потеряет сознание, Глязер, которому было поручено снять номер и обезвредить полковника, должен схватить портфель, вынести его в фойе и передать ожидающему там Румриху.

Когда Румрих изложил свой план Шлютеру, тот аж подскочил:

– Это слишком сложно и рискованно.

Румрих ехидной улыбкой попытался ободрить его:

– Наша хитрость, возможно, и наделает много шума, но все совершенно безопасно.

– Я все же думаю, – возразил Шлютер, – надо получить разрешение герра Шпильмана.

Он посоветовал Румриху изложить план в письме к Файфферу и отправить его в Бремен через почтовый ящик в Данди. Это письмо, подписанное «Краун», было в числе перехваченной корреспонденции, переданной англичанами ФБР. Полковнику Элджину сообщили о заговоре и предложили сыграть роль живца. Агенты ФБР и военной контрразведки готовились захлопнуть ловушку, как только Элджин в соответствии с фальшивым приказом войдет в «Макалпин», но операция не состоялась. Файффер, получив письмо с описанием плана Румриха (после того как англичане сняли копию), воскликнул в ужасе: «Он что, сошел с ума?»

Он немедленно связался со Шлютером в Нью-Йорке, категорически запретил безумную затею и даже немедленно отозвал стюарда в Бремен «для срочной консультации». Чудовищная нелепость плана Румриха так встревожила Файффера, что он решил законсервировать агента, пока не станет слишком поздно.

Именно в отсутствие Шлютера Румрих, всегда нуждавшийся в деньгах и одержимый идеей заполучить хотя бы тысячу долларов, начал разрабатывать комбинацию для получения паспортных бланков. Он и не подозревал о возникшем недоразумении. Дело в том, что Шлютер, по-видимому, неверно передал ему задание Файффера – тому требовались бланки паспортов, то есть чистые, незаполненные паспорта, которые было трудно добыть, а не паспортные бланки или анкеты, которые должен был заполнить каждый, кто обращался с заявлением о выдаче паспорта.

Румрих не знал об этой разнице и решил любым путем добыть бланки. В конце концов он придумал обратиться за ними в нью-йоркский отдел паспортного управления Государственного департамента. Было 14 февраля, шесть недель после той новогодней ночи, когда Шлютер передал ему задание. Утром он позвонил из кондитерской неподалеку от его дома в Бронксе к себе на работу и сообщил, что болен. Затем направился на угол Уолл-стрит и Пайн-стрит, намереваясь, наконец, добыть бланки, но у входа в нужное ему здание вдруг оробел и отправился на метро на Центральный вокзал. Отсюда он позвонил начальнику нью-йоркского отдела паспортного управления Айре Ф. Хойту и, назвавшись заместителем государственного секретаря Эдвардом Уэстоном, властным тоном приказал доставить ему 35 «паспортных бланков» в отель «Тафт», где он будет ждать в фойе.

Звонок озадачил Хойта. Он никогда не слышал о заместителе государственного секретаря с такой фамилией. Станным было и то, что Уэстон просил о бланках заявлений, которые любой мог свободно получить. Зачем же заказывать их по телефону таким конспиративным способом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.